05,4

Театръ и Искусство

Подписная цѣна на журналъ „Театръ и Искусство“. Съ доставк. и перес. на годъ 7 р., на полг. 4 р. Отд. №№ продаются по 20 к. Объявл.—40 к. со стр. пет.

Адресъ редакціи и главной конторы Моховая 45. Отдѣленія: въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской—въ Одессѣ—при книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго въ пассажѣ. Рукописи, доставл. безъ обозначен. гонорара, считаются безплатными. Мелкія рукописи не сохраняются. Телефонъ ред. № 1669.

1904 г. VIII годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 19 Сентября.

Содержаніе: Школа и театръ.—Катехизисъ русскаго символизма. *Леонида Галича.*—Къ вопросу объ актерскомъ орденѣ. *М. Дандевиля.*—Гимназисты-актеры. *Петра Вейнберга.*—Хроника театра и искусства.—Маленькая хроника.—Письма въ редакцію.—Изъ жизни литературно-артистической богемы. *Р. Антропова.*—Письма изъ Кіева. *И. Николаева.*—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

№ 38.

Рисунки: „Мишура“, съ картины П. А. Свѣдомскаго, „Уріэль Акоста“ (3 рис.), Lolo-Мунштейнъ (шаржъ), Г. Петровскій въ „Феѣ Капризъ“ (шаржъ), Лѣтній театръ въ Харбинѣ, Китайскій театральный плотникъ.

Портретъ: г. Рахманинова.

Продолжается подписка НА ЖУРНАЛЪ „Театръ и Искусство“

Съ 1 января по конецъ года—7 р.
Съ 1 іюля „ „ „ —4 „

С.-Петербургъ, 19-го Сентября 1904 г.

Ниже читатели найдутъ статью Петра Ис. Вейнберга „Гимназисты-актеры“. Тема статьи почтеннаго писателя болѣе педагогическая, нежели театральная, и хотя въ области педагогическихъ вопросовъ мы себя не считаемъ компетентными, тѣмъ не менѣе позволимъ себѣ не согласиться съ сужденіемъ П. И. Венберга. Статья П. И. Вейнберга—правильная во всѣхъ подробностяхъ, но ею упущено весьма важное обстоятельство: что педагогику нельзя строить единственно на раціональныхъ основаніяхъ, что въ ней, какъ въ воспитаніи, какъ и въ жизни, имѣются и должны имѣться элементы не только учебные, но и *душевные*. Съ точки зрѣнія одного разума, только „ratio“, нельзя объяснить, почему одни пьютъ, другіе курятъ, предаются страстямъ и увлекаются. Механическій взглядъ на жизнь можетъ довольствоваться стройностью и гармоніею физіологическихъ процессовъ, но очевидно, что есть что-то еще, жизнь сердца, чувства, жизнь эмоціональная. Согласны съ тѣмъ, что „гимназистъ-актеръ“ не подходитъ къ типу „перваго ученика“, но думаемъ, что и, вообще, невозможно всѣ учебныя заведенія населить одними „первыми учениками“, вытянутыми въ струнку и въ ниточку.

Къ данному вопросу—спектаклямъ въ учебныхъ заведеніяхъ—приложимъ то же возраженіе, какое сдѣлали противникамъ народныхъ спектаклей. И дѣтямъ, и солдатамъ, и арестантамъ, и рабочему народу—всѣмъ нуженъ „праздникъ“, всѣ нуждаются въ потрясеніяхъ. И такъ какъ это неизбѣжно, такъ какъ эмоціональная сторона человѣка требуетъ удовлетворенія, не менѣе физической, то задача истинной педагогіи дать растущимъ потребностямъ удовлетвореніе болѣе благородное и возвышенное, чѣмъ обычныя грубыя средства, къ которымъ прибѣгаетъ душа „взыскующая пищи“, какъ гульбища, попойки и т. п.

Въ этомъ отношеніи, что можетъ сравниться съ театромъ? Страхи, которые рисуетъ П. И. Вейнбергъ, нельзя не считать въ извѣстной мѣрѣ преувеличенными. Большинство изъ насъ принимало участіе, въ дѣтскихъ и юношескихъ годахъ, въ любительскихъ спектакляхъ, однако, немногіе пошли на сцену, сдѣлались профессіоналами, тѣмъ менѣе заболѣли „самомнѣніемъ“. За то эти „чистые восторги“ спектаклей, репетицій, сооруженія декорацій остались памятными на долгіе годы; они скрашивали наши дѣтскіе дни, давали отдыхъ уму, обремененному учебными занятіями, и быть можетъ (кто въ состояніи доказать противное?) помогали соблюсти въ суровыхъ условіяхъ школьной дисциплины необходимое душевное равновѣсіе.

У многихъ нашихъ писателей встрѣчаемъ автобіографическія указанія на устраивавшіеся ими въ дѣтствѣ спектакли. Что это имъ не повредило—въ томъ порукою ихъ жизнь и дѣятельность, а что это имъ было *пріятно*—мы имѣемъ прямыя свидѣтельства. Не слѣдуетъ бояться „пріятнаго“. Думается, въ этомъ секретъ школьныхъ успѣховъ. Школа—

Библіотека

не монастырь, и педагогическій „аскетизмъ“ едва ли принесетъ ту пользу, на которую расчитываютъ.

Спектакли для дѣтей—можетъ быть, не безусловное благо, и найдутся вредныя стороны этихъ затѣй. Но въ чемъ безусловное благо? И что можетъ, въ смыслѣ чистыхъ и въ то же время всѣмъ равно доступныхъ восторговъ, замѣнить театръ для дѣтскаго и юношескаго воображенія, при томъ театръ, коего активными участниками выступаютъ юноши?

Гоненіе на театръ всегда можетъ сослаться на факты „соблазна“, внесеннаго театральною обстановкою. Гораздо труднѣе сдѣлать апологію театра, такъ какъ результаты его благотворнаго вмѣшательства—косвенные и не поддающіеся прямому учету. Тѣмъ не менѣе, на основаніи общихъ соображеній, должно признать неизбѣжность и неотвратимость театральнаго вліянія, и лучше регулировать его подъ надзоромъ педагоговъ, нежели предоставлять этому вліянію захватывать школьное юношество, вопреки и въ пику школѣ.

Нѣсколько строкъ, удѣленныхъ вопроеу о постановкѣ дѣла въ нашихъ музыкальныхъ школахъ, вызвали множество писемъ, въ которыхъ наши „доброхотные“ корреспонденты „спѣшатъ“ пополнить имѣющійся у насъ запасъ „печальныхъ фактовъ“ изъ практики всяческихъ курсовъ „музыки и пѣнія“. Занявшись разборомъ и провѣркой скопившагося матеріала, мы тѣмъ временемъ наблюдали, какъ на страницахъ газетъ состязались въ рекламированіи педагогическихъ достоинствъ всевозможные „профессора“ пѣнія, „свободные“ и „несвободные“ художники. Любопытнаго много! Вотъ, напримѣръ, „примадонна итальянскихъ оперныхъ сценъ, профессоръ національной академіи“ г-жа Турриджи-Гейротъ, объявляя объ открытіи своихъ курсовъ пѣнія, ставитъ на видъ, что она готовитъ пѣвцовъ и пѣвицъ для карьеръ „русской, французской, нѣмецкой и пр.“: что на курсахъ этой примадонны имѣются спеціальные классы, „аріи, романсовъ, ораторіи и т. под.“! Прежде обучали французской и русской борьбѣ, а теперь оказалось возможнымъ учить артиста, „карьерамъ различнаго рода“. А развѣ не новое слово въ музыкальной педагогикѣ эта спеціализація либо по пѣнію арій, либо по романсамъ, либо по ораторіямъ, либо по „тому подобному“!.. Не такъ давно, газеты возмущались, что въ московскомъ Большомъ театрѣ пришлось отказаться отъ постановки „Жизни за Царя“ вслѣдствіе отсутствія теноровъ, могущихъ осилить высокую тесситуру возстановленныхъ купюръ. Газеты упустили изъ виду, что московскіе тенора народъ молодой и, слѣдовательно, прошли школу пѣнія у новѣйшихъ учителей. Поэтому дивиться тутъ нечему. Еще нѣсколько лѣтъ, и пожалуй совсѣмъ некому будетъ пѣть оперы, а водворятся только „спеціалисты“ по пѣнію арій, ораторій, романсовъ, баркароллъ, вокализовъ. Самой притягательной силой для залученія къ себѣ учениковъ является ремарка въ каждомъ объявленіи о быстромъ исправленіи „испорченнаго голоса“. Въ конторѣ одной газеты виситъ объявленіе, что нѣкая г-жа „исправляетъ испорченные голоса съ ручательствомъ въ 6 мѣсяцевъ“. Музыкальная школа г-жи Пальчевской заявляетъ, что въ классы пѣнія принимаются желающіе исправить „носовой, горловой и дрожащій характеръ голоса“... Конечно, такихъ желающихъ масса. А какъ вамъ нравятся быстроиспеченныя преподавательницы, вродѣ... ну, вродѣ г-жи Юркевичъ? Еще въ нынѣшнемъ году, 10 марта, она пѣла какъ ученица курсовъ г. Поллакъ на ученическомъ вечерѣ этихъ курсовъ, а теперь уже значится на тѣхъ же курсахъ преподавательницей! Непостижимо быстрая трансформація.

Отъ редакціи.

Редакція, приступая къ XIII и XIV выпускамъ „Словаря сценическихъ дѣятелей“, проситъ гг. сценическихъ дѣятелей, фамиліи коихъ начинаются съ буквы Леб. и М. поспѣшить высылкой портретовъ и біографическихъ данныхъ.

КАТЕХИЗИСЪ РУССКАГО СИМВОЛИЗМА.

I.

Едва-ли не единственный уголокъ, гдѣ свѣтится живая литературность и вѣетъ свѣжестью мысли—это гротъ нашего символизма. Въ прохладной гулкости сводовъ, отдѣленныхъ гроздьями хмеля отъ соннаго окреснаго зноя, каждое произнесенное слово звучитъ ярко и радостно, повторяясь молодыми раскатами. Въ золотыхъ стрѣлахъ лучей, прорвавшихся сквозь свѣжую зелень и въ ней какъ бы омывшихся,—все кажется сочнѣй и цвѣтистѣй. Здѣсь звенитъ каждая струйка и лепечетъ каждый листокъ. Всѣ живы—каждый по своему. А тамъ—за сѣткою хмеля—за живой зеленой портьерой—море зноя, недвижное и безцвѣтное, похожее на облако пыли...

Мнѣ кажется, что для русскаго символизма прошло время борьбы. Новое теченіе признано. Любой книгопродавецъ вамъ скажетъ, что журналы и изданія символистовъ жадно и прилежно читаются. Конечно, преобладаніе въ ходкости пока еще на сторонѣ иныхъ литературныхъ теченій, — но это уже рубль не столичный, это уже рубль обывательскій, изъ Тетюшей, Пензы и Чебоксаръ,—рубль, оторванный отъ комаровскаго «Свѣта», ускользнувшій отъ мошны издателя мелкой газеты и теперь, обуреваемый прогрессизмомъ, катящійся къ подножію «буревѣстниковъ».

Мозгъ народа—горсть просвѣщенныхъ—начинаетъ понимать символизмъ и отдѣлять случайныя вычуры отъ его живой сердцевины. Она читаетъ и видитъ, какъ осыпаются засохшія листья, какъ валятся подъ топоромъ символистовъ стволы мертвыхъ условностей, стѣснявшихъ ростъ творчества и его орудія-языка, какъ на свѣжихъ просѣкахъ и прогалинахъ распускаются душистыя почки. Пора борьбы миновала. Пришло время творить.

II.

Символизмъ съ картинныхъ полотенъ первоначально перебрался въ поэзію. Теперь онъ укрѣпляется въ критикѣ и дѣлаетъ набѣги въ науку. Въ области изящной литературы символисты создали школу. Но имъ этого мало. Имъ хочется создать *катехизисъ*. Раздвигаются тѣсныя очертанія литературной программы. Новое исповѣданіе символистовъ притязаетъ—говоря по церковному—на «каѳоличность» всеобъемлющей философіи.

Въ этомъ нѣтъ, конечно, плохого. Движеніе, окрыленное философіей, можетъ только выиграть въ полнозвучности. Чѣмъ шире горизонтъ творчества, тѣмъ глубже свѣтится въ немъ отраженіе полярныхъ созвѣздій. Черта русскихъ писателей—да и только-ли однихъ русскихъ?—затхлая духовная ограниченность. Титаны мысли ушли, а то, что нарождается вслѣдъ въ корректныхъ «старыхъ» кружкахъ—такъ и пышетъ самоувѣренной тупостью. Не говорю уже о невѣжествѣ, превосходящемъ всякія вѣроятія. Стоитъ-ли ходить за примѣрами?

Если творчество поэта-мыслителя напоминаетъ гладь океана, въ которой умѣщается небо съ безконечностью сверкающихъ звѣздъ, то въ лужахъ кружкового писательства маячитъ тусклый фонарь («маякъ», «свѣточъ» тенденціи), да развѣ искаженныя физіономіи обличаемыхъ полицейскихъ и дворниковъ.

Я ставлю символистамъ въ заслугу, что имъ пре-

„Мишура". Съ картины скончавшагося художника П. А. Свѣдомскаго.

титъ эта сѣрость. Я съ благодарной радостью признаю, что именно въ кружкахъ символистовъ въ измельчавшее и безкрылое время проснулся вкусъ къ мысли. «При свѣтѣ совѣсти» Минскаго—странная, но яркая книга—предварила лѣтъ на пятнадцать метафизику Бердяевыхъ и Булгаковыхъ. И вдобавокъ, «мэонизмъ» Минскаго не навѣянъ учебникомъ Виндельбандта, а горитъ свѣжими красками самобытнаго, хотя и капризнаго творчества.

И тѣмъ не менѣе «религія» символистовъ, которая теперь вылилась въ вполнѣ опредѣленное правовѣріе—не радуетъ, а скорѣе печалитъ. Въ ней нѣтъ задатковъ развитія. Это вѣтвь, заранѣе обреченная. Чѣмъ скорѣй она засохнетъ, тѣмъ лучше.

III.

Главная болѣзнь символизма—неискренность и несерьезность мышленія. Привычка думать словами—быть можетъ необходимая для того, чтобы сдѣлать гибкой и выразительной нашу тусклую и неуклюжую рѣчь,—не можетъ не отомстить за себя. Возникаютъ словесныя построенія, которыя внутри пусты. Подъ яркой и блестящей одеждой, подъ словами, нагроможденными на слова—укрывается даже не заблужденіе—а просто-на-просто отсутствіе мысли. При этомъ велерѣчивыя отвлеченности, написанныя съ большой буквы—Вѣчность, Безпредѣльность, Безвременность—играютъ роль межевыхъ вѣхъ, которыми предупредительно отграничено гладкое пустопорожнее мѣсто.

Я не виню мыслителей символизма, «Есть рѣчи—значенье темно иль ничтожно, но имъ безъ волненья внимать невозможно». Есть особая затягивающая прелесть въ красивомъ сочетаніи словъ, несоединимыхъ въ опредѣленную мысль, но вызывающихъ въ многострунной душѣ предвареніе, предчувствіе мысли. Неудивительно, что художники и поэты наслаждаются переливами этихъ чувствъ и легко склоняются къ выводу, что къ такой игрѣ переливами и сводится назначеніе философіи. Гдѣ истинный, серьезный философъ старается освободиться отъ словъ, чтобы схватить голую мысль, тамъ символисты, не думая, говорятъ, наслаждаясь ореолами настроеній, мерцающихъ надъ странною рѣчью съ темнымъ и ничтожнымъ значеньемъ. И получаются красивыя фразы, которыя, переведенныя въ мысль, краснорѣчиво превращаются въ ноль.

Чуткость и любовь къ слову—достоинства, недостаточно оцѣненныя. Трепетать отъ предвкушенія мысли—признакъ благородной натуры. Но есть области, гдѣ содержаніе слова,—вѣсъ его логической сердцевины,—безконечно интереснѣе и важнѣе, чѣмъ трепетъ нервовъ, возбуждаемый имъ. Кто искренно стремится къ познанію, тотъ, охваченный водоворотами мысли, не увлечется радугой отраженій, бросаемыхъ вереницами словъ на поверхность нашей души.

IV.

Основа катехизиса символистовъ—ученіе о двоякомъ познаніи. Искусство—говоритъ Брюсовъ—познаетъ безъ помощи разума, внѣ законовъ человѣческой мысли, прямо и непосредственно созерцая внутреннюю сущность природы. Эта сущность не доступна для разума, стѣсненнаго въ размахѣ своемъ устройствомъ человѣческой мысли,—пространствомъ, временемъ, логикой. Наука познаетъ не дѣйствительность, а только бѣглый миражъ, порожденный въ нашей душѣ непостижимой вещью въ себѣ.

Брюсовъ не цитируетъ Канта. Но онъ его знаетъ.

Товарищъ Брюсова—Бѣлый—тотъ прямо озаглавилъ статью «Критицизмъ и символизмъ» и посвятилъ ее памяти Канта (котораго, небезполезно замѣтить, знаетъ лишь со словъ Шопенгауэра). Символисты и ихъ предтеча, Волынскій—очень нѣжно относятся къ Канту. Они въ немъ видятъ отца. «Мы дѣти его»,—восклицаетъ Бѣлый. Но глубокомысленный кенигсбергскій педантъ никогда не забавлялся словами. «Познавать безъ помощи разума» для него означало бы то-же самое, какъ «выковывать деревянное желѣзо» или «вычерчивать треугольный пятиугольникъ».

Что можетъ познаваться въ искусствѣ? Брюсовъ не скупится на термины. «Вѣчное», «Безконечное», «Божество». У Бѣлаго словарь еще ярче. Тамъ фигурируютъ «пролетъ въ безконечность», кружево реальныхъ явленій, глядящее просвѣтами въ Безъименное (не ручаюсь, впрочемъ, за точность), «Несказанность», «Безмолвное» и т. д. У совсѣмъ дюжинныхъ подголосковъ, каковы усидчивый стихотворецъ, подбирающій неблагозвучные архаизмы, г. Вячеславъ Ивановъ, или цинкографія съ Бальмонта и Брюсова, нѣкто г. Чулковъ—у этихъ извратителей символизма темнота и патетичность опредѣленій достигаетъ устрашающей степени. Но изъ всѣхъ этихъ «Необъемностей» и «Объятностей», «Сокровенностей» и «Сокровляемостей» все-же никакъ не усмотришь, что-же собственно познается въ искусствѣ и какія въ немъ раскрываются тайны.

V.

Насколько я понялъ Брюсова,—роль котораго, какъ теоретика символизма, обозначились достаточно ярко—символисты раздѣляютъ познаніе на *пониманіе* и вдохновенное *созерцаніе*. Пониманіе—удѣлъ философіи, созерцаніе—привилегія творчества. Мысль правдивая, но нисколько не новая. Нова только претензія, что искусство созерцаетъ не міръ, какимъ онъ представляется человѣку, а «вещь въ себѣ», сущность природы. Ссылка на Шопенгауэра неудачна. Какъ извѣстно, по ученію Шопенгауэра, художникъ созерцаетъ «идеи», но эти созерцаемыя идеи—отнюдь не сущность вещей, лежащая внѣ разума человѣка, а просто совершенные образцы, въ которыхъ осязательно воплощается общій смыслъ отдѣльныхъ предметовъ.

Въ единичности случайнаго впечатлѣнія художникъ видитъ «идею», т. е. связь этого впечатлѣнія съ безконечной пестротой однороднаго. Въ случайной смерти отъ тифа онъ видитъ неразумность судьбы, въ пляскѣ листьевъ, подгоняемыхъ вѣтромъ по дорожкамъ опустѣлаго парка,—неизбѣжность и тоску увяданія, въ стремительной мелодіи марша—готовность на борьбу и на смерть.

Образецъ становится символомъ—единичнымъ осязательнымъ представителемъ безчисленнаго множества фактовъ. Въ случайной смерти отъ тифа, описанной великимъ художникомъ, мы увидимъ не личную катастрофу, а великую трагедію человѣчества, которая въ дѣйствительной жизни дробится на безконечную пестроту частныхъ обособленныхъ драмъ, но здѣсь, въ собраніи генія, вбирается во всей полнотѣ въ единый потрясающій образъ. Какова-же цѣль творчества, какъ не та, чтобы въ отдѣльномъ и частномъ заставить *ощутить* родовое, въ эпизодѣ личной судьбы—великую судьбу міра?

Мнѣ скажутъ, что исканіе родового есть также и задача науки. Но при этомъ забывается разница. Наука объединяетъ разнообразіе въ отвлеченности безцвѣтныхъ понятій. Послѣднія не могутъ быть созерцаемы. Они только мыслятся. Въ искусствѣ же объединеніе разнороднаго совершается въ наглядныхъ картинахъ, въ конкретныхъ чувственныхъ образахъ. Вся задача истиннаго художника нарисовать такую картину, которая, вступая въ сознаніе, привлекала бы къ себѣ, какъ магнитъ, все однородное, что дремлетъ въ душѣ. Чѣмъ сильнѣе эта мощь притяженія, тѣмъ глубже внутренній смыслъ, тѣмъ шире кругъ бытія, символизуемый картиной художника.

Таинственный процессъ созерцанія, о которомъ говорятъ символисты, ни къ чему иному не сводится, какъ именно къ всплыванію представленій, притягиваемыхъ художественнымъ произведеніемъ. Очевидно, что подобный процессъ не можетъ выводить человѣка за грань возможнаго опыта. Созерцается не «Сокровляемость необъемнаго», а смыслъ реальныхъ явленій, какъ символовъ всеобщихъ началъ, управляющихъ существованіемъ человѣка...

VI.

Говоря о сверхъ-разумномъ познаніи, будто-бы сокрытомъ въ искусствѣ, символисты устремляются въ пустоту. Внѣ разума познанія не бываетъ. Если вынуть изъ души человѣка все то, что создается умомъ, то останутся одни ощущенія—смутный хаосъ безформенныхъ элементовъ, ничѣмъ не связанныхъ въ цѣлое. Вѣдь даже узнаваніе ощущеній и различеніе ихъ одно отъ другого относится къ работѣ разсудка. Искусство далеко отъ познанія, и тѣмъ дальше, чѣмъ оно чище. Созерцая художественныя «идеи», мы отнюдь не познаемъ отношенія, а слѣдимъ за вереницами представленій, тяготѣющихъ, какъ струи водоворота, къ одному общему центру. Только тотъ, кто мыслитъ словами, можетъ видѣть въ этомъ процессѣ познаніе «абсолютнаго духа», «Божества», «Нумена», «Безконечнаго».

Я желаю символизму успѣховъ, когда онъ освобождаетъ искусство отъ условныхъ и стѣснительныхъ формъ. Но когда онъ превращается въ вѣру, враждебную серьезности знанія, въ диллетантскую философію болтуновъ—онъ становится опасной отравой и съ нимъ надо бороться.

Леонидъ Галичъ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АКТЕРСКОМЪ ОРДЕНѢ.

Вопросъ объ учрежденіи ордена спеціально за артистическія заслуги, весьма понятно, занимаетъ въ настоящее время актеровъ.

До послѣдняго времени русскіе актеры, въ качествѣ артистовъ, „свободныхъ художниковъ“, получали лишь Высочайшіе подарки.

Кстати здѣсь будетъ привести историческую справку. Первый такой подарокъ,—брилліантовая табакерка—былъ пожалованъ Императоромъ Павломъ I 1-го декабря 1797 г. Дмитревскому за исполненіе заглавной роли въ трагедіи Сумарокова „Дмитрій Самозванецъ“. Въ слѣдующемъ же году артистъ Крутицкій получилъ въ подарокъ собственные часы Государя Императора за исполненіе роли Гарпагона въ „Скупомъ“ Мольера.

Само собою понятно, что такіе подарки преимущественно выпадаютъ на долю артистовъ Императорскихъ театровъ. Они же получаютъ и ордена, но не какъ артисты, а какъ служащіе по вѣдомству министерства Двора.

За послѣдніе годы, со времени учрежденія петербургскаго Попечительства о народной трезвости, нѣкоторые изъ актеровъ Народнаго дома получали медали съ надписью „за усердіе“ серебряныя или золотыя на Станиславскихъ или Анненскихъ лентахъ. Но и эти награды имъ давались не какъ артистамъ, а какъ служащимъ по министерству финансовъ. Такой порядокъ награжденія артистовъ приближается къ германской практикѣ. Въ отдѣльныхъ государствахъ Германской Имперіи ордена

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Уріэль Акоста".
Г. Бравичъ (Раввинъ де-Сильва).

„Уріэль Акоста".
Г. Гардинъ (Раввинъ де-Сантосъ).

жалуются только актерамъ правительственныхъ театровъ. Особаго ордена для артистовъ ни въ одномъ изъ нихъ не имѣется. Обыкновенно жалуются фамильные ордена;—въ Пруссіи напр. „за достоинства" (Pour le mérite).

Во Франціи существуетъ особый знакъ отличія,—„Академическія пальмы",—для награжденія, вообще, артистовъ, актеровъ, писателей, живописцевъ и т. д. Въ послѣднее же время этотъ орденъ стали давать каждому, кто оказалъ какія-либо особыя услуги государству. Благодаря этому, „Академическія пальмы" получили такое распространеніе, что совершенно такъ сказать, обезцѣнились. Поэтому актеры стремятся къ полученію „Почетнаго Легіона". Гражданскій „Почетный Легіонъ" можетъ быть пожалованъ и артисту, безотносительно тому, на какой сценѣ онъ служитъ, за дѣйствительно особыя, выдающіяся заслуги.

Такъ, Антуанъ, владѣлецъ театра въ Парижѣ, имѣетъ „Почетный Легіонъ 5 степени" (chevalier),—самый младшій, за образцовую постановку пьесъ. Коклэнъ—Младшій награжденъ „Почетнымъ Легіономъ" 5 и 4 степени (officier). Сара Бернаръ получила только „Академическія пальмы". Женщинамъ „почетный Легіонъ", вообще, дается въ исключительныхъ, единичныхъ случаяхъ. Она-же, — въ видѣ исключенія, какъ иностранка,—награждена прусскимъ орденомъ „за достоинство".

Въ Англіи артистамъ вовсе не дается орденовъ. Въ Австріи жалуется особая золотая медаль. Такимъ образомъ, наиболѣе широко поставлены награжденія артистическихъ заслугъ во Франціи. Какъ рѣшится этотъ вопросъ у насъ—сказать трудно въ настоящее время.

Во всякомъ случаѣ, какъ было упомянуто въ прошломъ номерѣ, учрежденіе спеціальнаго ордена *для всѣхъ* артистовъ, конечно, подняло бы ихъ личное достоинство. А объ этомъ, — опять-таки историческая справка,—хлопоталъ еще Сумароковъ, когда послѣ учрежденія въ 1756 г. Императорскаго Русскаго Театра добился того, что его артистамъ разрѣшено было носить шпаги, на что въ то время имѣли право одни лишь дворяне. Принявъ же во вниманіе, что въ то время актеры происходили,—какъ тогда выражались,—изъ „подлаго сословія" и не считались даже членами общества, надо признать такую награду весьма значительной и имѣющей большой смыслъ.

М. Дандевиль.

ГИМНАЗИСТЫ-АКТЕРЫ *).

Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ приходится мнѣ стоять болѣе или менѣе близко къ театру въ лицѣ профессіональныхъ его дѣятелей, а также такъ называемыхъ «любителей»; неоднократно бывалъ я и на спектакляхъ, устраиваемыхъ въ стѣнахъ гимназій, и входилъ въ общеніе съ юными участниками этихъ зрѣлищъ. Изъ многихъ выводовъ, сдѣланныхъ мною въ этой области, одинъ, и при томъ несомнѣнный, имѣетъ непосредственное отношеніе къ предмету, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь: это выводъ, что нѣтъ самолюбія болѣе щекотливаго, болѣе, могу прямо сказать, чудовищнаго, чѣмъ то, которымъ обуреваема выступающая на театральные подмостки братія. Слово «самолюбіе» употреблено, впрочемъ, здѣсь мною неправильно; самолюбіе, въ истинномъ значеніи его, предполагаетъ нѣчто благородное, подымающее духъ, поддерживающее энергію, двигающее человѣка впередъ на его житейскомъ пути. Самолюбіе актера—въ огромномъ большинствѣ случаевъ, — нечто иное, какъ тщеславная жажда успѣха, какъ усиленіе фальшиваго самомнѣнія при выпадающихъ на долю исполнителя аплодисментахъ публики и, съ другой стороны,—болѣзненная и злобная раздражительность при отсутствіи этихъ поощреній. Если этимъ недугомъ страдаютъ даже многіе первоклассные актеры (говорю это на основаніи личныхъ наблюденій), то въ «посредственностяхъ», на долю которыхъ поощренія и овваціи выпадаютъ довольно скудно, онъ развитъ еще сильнѣе. Но своей высшей степени онъ достигаетъ въ «любителяхъ», а такъ какъ именно къ нимъ должны быть причислены юноши-участники гимназическихъ спектаклей (какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ), то каждому

*) См. „Рус. Школа".

педагогу, полагаю, понятенъ нравственный вредъ, приносимый спектаклями молодежи въ *этомъ* отношеніи. Но здѣсь къ этому присоединяется еще одно пагубное дѣйствіе спектаклей — развитіе въ выступающихъ на сценическіе подмостки любителяхъ непомѣрнаго самомнѣнія. Всякому, конечно, извѣстно, съ какою снисходительностью относится къ любительскимъ спектаклямъ собирающаяся на нихъ публика—особенно, когда передъ нею учащееся юношество; иногда эта снисходительность выражается въ формѣ совершенно глупыхъ и преувеличенныхъ «комплиментовъ» — и вотъ, стоитъ юному актеру услышать двѣ-три такихъ любезности, чтобы вообразить себя будущимъ, если не Сальвини, Мартыновымъ, Дузе, то во всякомъ случаѣ Савиной, Давыдовымъ, Варламовымъ; а отъ такой воображаемой перспективы до рѣшенія сдѣлаться современемъ профессіональнымъ актеромъ и до приведенія его въ исполненіе—нѣсколько шаговъ... Вотъ тутъ-то я и подошелъ къ самому опасному мѣсту въ разбираемомъ вопросѣ. Неоднократно случалось мнѣ видѣть, какъ эти, возомнившіе себя будущими геніями, юноши или выходили, не кончивъ курса, изъ своего учебнаго заведенія, или съ грѣхомъ пополамъ дотягивали до выпуска и затѣмъ немедленно примащивались къ какому-нибудь театру, столичному или провинціальному, хотя бы въ качествѣ выходныхъ актеровъ, съ надеждой, разумѣется, быстро пойти въ гору; но большинство, если не всѣ, такъ на этихъ третьестепенныхъ роляхъ и оставались всю свою жизнь, влача очень горемычное въ матеріальномъ отношеніи существованіе, соединенное притомъ—въ огромномъ большинствѣ случаевъ — съ нравственнымъ извращеніемъ, противъ котораго въ театральной сферѣ могутъ устоять, за весьма рѣдкими исключеніями, только люди или съ крупнымъ талантомъ, или съ сильнымъ характеромъ, или съ высокимъ уровнемъ умственнаго и нравственнаго развитія... Да, сценическіе подмостки—великій соблазнъ, и немногіе изъ тѣхъ, кто нѣсколько разъ выступилъ на нихъ, будь это въ стѣнахъ учебнаго заведенія, или въ любительскомъ кружкѣ,—немногіе изъ нихъ не губятъ себя впослѣдствіи, какъ бездарные профессіональные актеры. Сколько такихъ юныхъ существъ, мужскаго и женскаго пола, приходило ко мнѣ съ сообщеніемъ о своемъ рѣшеніи поступить на сцену, и сколько ихъ обливалъ я холодной водой, сколькимъ доказывалъ, не только теоретически, но и фактами, всю неосновательность, весь вредъ ихъ намѣренія — ничто не помогало, и не разъ я былъ свидѣтелемъ весьма плачевныхъ послѣдствій необдуманнаго шага. Когда на него рѣшается человѣкъ, вполнѣ сложившійся, самостоятельный, пусть себѣ дѣлаетъ, что хочетъ, и ужъ потомъ винитъ самого себя; но когда на будущую актерскую дѣятельность рѣшается, при отсутствіи истиннаго таланта (а такое отсутствіе — явленіе почти нормальное въ этихъ случаяхъ), юноша, почти мальчикъ, да еще съ поощренія и санкціи своихъ руководителей, которые, правда, сами не вѣдаютъ, что творятъ — тогда долгъ всякаго истиннаго педагога не только не поощрять, но, напротивъ, протестовать и противодѣйствовать... Я не говорю уже о томъ, что устройство спектаклей въ учебныхъ заведеніяхъ приноситъ существенный ущербъ учебному дѣлу. Говорятъ: вѣдь эти спектакли устраиваются на праздникахъ, когда ученья нѣтъ. Правда; но спектаклямъ предшествуютъ репетиціи, продолжающіяся нѣсколько недѣль, даже мѣсяцевъ, предшествуетъ наполненіе умовъ исполнителей перспективою будущихъ успѣховъ и естественно соединяемое съ этимъ отвлеченіе отъ учебныхъ занятій...

Такова, по моему убѣжденію, отрицательная, вредная сторона этого дѣла. Что же въ немъ положительнаго, могущаго хоть сколько-нибудь ослабить эти неблагопріятныя явленія? На этотъ счетъ я читалъ и слышалъ, что спектакли въ учебныхъ заведеніяхъ полезны, въ смыслѣ содѣйствія умственному развитію учащихся и усовершенствованію въ нихъ эстетическаго чувства ознакомленіемъ ихъ съ лучшими драматическими произведеніями, въ которыхъ они притомъ дѣлаются, такимъ образомъ, какъ бы непосредственными участниками. Въ высшей степени неосновательнымъ и страннымъ представляется мнѣ такое мнѣніе. Высказывающіе его, надо думать, понимаютъ вѣдь подъ «ознакомленіемъ» нечто иное, какъ уясненіе юному актеру смысла даннаго произведенія, его отдѣльныхъ подробностей, однимъ словомъ—критическую оцѣнку. Но во-1-хъ, для постановки спектакля, т. е. такой постановки, которая соотвѣтствовала бы своей *образовательной* цѣли — потребенъ, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ, съ пятнадцатью-двадцатью репетиціями; что же, вы будете тратить столько времени на ознакомленіе съ какимъ-нибудь *однимъ* произведеніемъ, имѣя еще при этомъ въ виду, что бо́льшая часть этого времени должна пойти на чисто техническую, режиссерскую, въ собственномъ смыслѣ слова сторону дѣла, со стороною критическою въ литературномъ отношеніи не имѣющую ничего общаго? А во-2-хъ,—и аргументъ болѣе важный,—для сценической постановки нуженъ прежде всего режиссеръ, т. е. лицо, хорошо знакомое съ условіями и требованіями сцены: для критическаго же разъясненія—лицо, образованное литературно и надѣленное тѣмъ, безъ чего немыслимъ истинный хорошій преподаватель; совмѣщеніе этихъ двухъ функцій въ одномъ и томъ же лицѣ—явленіе весьма и весьма рѣдкое. Въ-3-хъ, изъ тѣхъ драматическихъ произведеній, ознакомленіе съ которыми учащихся желательно и необходимо, очень и очень немногія могутъ быть, хоть даже и плоховато, разыграны учениками; вѣдь не станутъ же руководители этихъ упражненій включать въ свой репертуаръ произведенія Софокла, Шекспира, Шиллера. Въ-4-хъ, наконецъ, какъ вы полагаете, гг. руководители, когда будутъ ученики внимательнѣе относиться къ предлагаемымъ имъ разъясненіямъ—сидя въ классѣ и слушая основательное, на научномъ фундаментѣ построенное, по возможности, талантливое слово своего преподавателя, или участвуя въ репетиціяхъ, на которыхъ у каждаго исполнителя въ головѣ исключительно мысль о его собственномъ будущемъ успѣхѣ, безъ всякаго отношенія къ литературному достоинству и смыслу разыгрываемой пьесы?.. Да сколько еще доводовъ противъ вышеуказаннаго мнѣнія о полезности ученическихъ спектаклей! Хотя бы, напримѣръ, тотъ, что въ спектаклѣ участвуетъ самая минимальная часть всѣхъ учащихся въ заведеніи и что, слѣдовательно, этимъ путемъ только имъ предоставляется «развивать свой умъ, совершенствовать свой эстетическій вкусъ» и обогащать себя познаніями въ русской и иностранной драматической литературѣ.

И такъ, мой выводъ, отнюдь, смѣю думать, не голословный—что спектакли, устраиваемые въ учебныхъ заведеніяхъ съ *образовательной* цѣлью, этой цѣли рѣшительно не достигаютъ, а къ результатамъ противоположнымъ и вреднымъ несомнѣнно должны приводить.

П. И. Вейнбергъ.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Уріэль Акоста".
Г-жа Домашева (Юдифь).
Рис. М. Демьянова.

ХРОНИКА
ТЕАТРА И ИСКУССТВА.

Слухи и вѣсти.

— Инспекторомъ казеннаго театральнаго училища на мѣсто г. Писнячевскаго назначенъ г. Мысовскій.

— Н. Н. Фигнеру отпускъ продленъ до 15-го сентября 1905 г., т. е. по конецъ контракта, безъ сохраненія содержанія.

— Для огражденія публики на случай возникновенія пожаровъ въ театрахъ, и. д. градоначальника В. Э. Фришъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы не допускались въ ложахъ и партерѣ приставныя кресла и стулья. Обращено вниманіе на то, чтобы запасныя двери содержались въ исправности, прислуга, приставленная къ нимъ, всегда находилась на своихъ мѣстахъ и надъ каждымъ изъ выходовъ были освѣщены надписи „выходъ". Курить дозволяется только въ отдѣльныхъ комнатахъ, для этого назначенныхъ и приспособленныхъ, съ надписью „для куренія". Прислуга у вѣшалокъ отнюдь не должна требовать отъ посѣтителей платы за храненіе платья.

— Театръ купеческаго собранія, на Владимірской, перешелъ на предстоящій зимній сезонъ въ руки М. С. Циммермана. По вторникамъ будутъ даваться оперные, по воскресеньямъ и (иногда) четвергамъ—драматическіе спектакли. Первый оперный спектакль состоится 21 сентября, драматическій—26 сентября. Послѣднимъ режиссируетъ г. Мурскій.

— 17 сентября въ Берлинскомъ театрѣ было назначено первое представленіе „Дяди Вани".

— Лирическая опера, вопреки всякимъ слухамъ о ея прекращеніи, откроется около 25 сентября. Репетиціи начались 17 августа.

— Теноръ К. М. Лебедевъ подписалъ контрактъ въ оперу Церетелли.

— Французскіе спектакли въ Михайловскомъ театрѣ открываются „Testament de César Girodor", съ г-жей Desclauzas въ Clémentine.

— Больной артистъ Балкашинъ, о которомъ у насъ сообщалось въ прошломъ №, принятъ на попеченіе Т. О. У Балкашина задѣты мозговые центры рѣчи.

— Въ дѣтскій пріютъ принята дочь малороссійской артистки А. И. Борисоглѣбской.

— Для юридическихъ услугъ московскаго Бюро Т. О. приглашены помощники присяжныхъ повѣренныхъ гг. Малицкій и Протопоповъ.

— Г-жа Дальская, по словамъ „Рус. Сл.", рѣшила бросить драматическую сцену и переходитъ въ оперетку.

— Г-жа и г. Кякштъ, служившіе прошлый сезонъ въ московскомъ балетѣ вновь переведены въ Петербургъ на Маріинскую сцену.

— Оперная артистка г-жа Ренэ-Радина обратилась къ администраціи города Москвы съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ей жительства съ конца октября до Пасхи въ Москвѣ (артистка—еврейка), гдѣ она служитъ въ частной оперѣ. Ходатайство это признано не подлежащимъ удовлетворенію.

* * *

Московскія вѣсти.

— Въ составъ оперной труппы театра Солодовникова этого сезона вошли слѣдующія лица: г-жи Веселовская, Дома, Окунева, Ольгина, Петровская, Чернявская и Цвѣткова (сопрано); г-жи Вальтеръ, Лаврова, Надеждина, Ратмирова, Сабинина, Рознатовская и Томская (меццо-сопрано); гг. Волгинъ, Милютинъ, Ошустовичъ и Секаръ-Рожанскій (тенора); Гладковъ, Максаковъ и Миллеръ (баритоны); Владиміровъ, Дмитревскій, Сергѣевъ и Улухановъ (басы). Концертмейстеромъ приглашенъ молодой композиторъ г. Букке, который будетъ дирижировать нѣкоторыми операми, въ томъ числѣ своимъ „Царемъ Ѳедоромъ". Между прочимъ, дирекція озабочена сокращеніемъ антрактовъ, для чего сзади сцены устроена особая выдвижная платформа. По окончаніи дѣйствія, платформу съ готовой декораціей подтягиваютъ къ рампѣ, и оперу можно продолжать почти безъ антракта.

— М. М. Ипполитовъ-Ивановъ приглашенъ главнымъ капельмейстеромъ въ оперную труппу С. И. Зимина.

— Въ предстоящемъ зимнемъ сезонѣ Драматическое общество возобновляетъ свою дѣятельность по постановкѣ общедоступныхъ спектаклей для народа. Спектакли будутъ ставиться обществомъ за свой рискъ, безъ казенной субсидіи. Завѣдываніе театромъ, а также и режиссированіе пьесами поручены прошлогоднему режиссеру общества Н. А. Мендельсону. Составъ труппы прошлогодній: г-жи А. Н. Иванова, С. И. Хлопова, Е. П. Радзишевская, К. С. Святославская, В. Е. Владимірова, Т. Н. Ларина и др. Гг. Г. Е. Гетмановъ, Н. А. Мендельсонъ, Б. Г. Рыкинъ, П. Н. Ловскій, Н. П. Самбикинъ, В. Г. Павловъ, Н. Н. Бухтѣевъ, А. П. Грипичъ, А. К. Войновскій и др. Помощникъ режиссера В. П. Барышевъ. Суфлеръ А. Ляминъ.

Открытіе сезона—12 сентября. Будетъ поставлено: „Люди" Платона.

— Намъ пишутъ: московскій кружокъ любителей сценическаго искусства продолжаетъ свою дѣятельность и въ наступающемъ сезонѣ 1904 — 5 г. 19 сентября въ помѣщеніи концертнаго зала Романова состоялось общее собраніе членовъ кружка, на которомъ былъ утвержденъ отчетъ за 1903—4 г. и смѣта на предстоящій сезонъ и состоялись выборы должностныхъ лицъ. Спектаклями кружка въ сезонѣ 1904—5 г. будетъ режиссировать артистъ театра Корша И. Р. Пельцеръ.

— Недавно у насъ сообщалось, что въ прошломъ собраніи московскаго общества для призрѣнія престарѣлыхъ артистовъ возникъ вопросъ: какъ поступать со вдовами музыкантовъ и хористовъ іудейскаго исповѣданія. Комитетъ Общества разрѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что, согласно уставу, и евреи могутъ быть принимаемы въ богадѣльню Общества, какъ и всѣ прочіе члены общества. На предстоящемъ собраніи будетъ разсмотрѣнъ вопросъ, какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда вдовы не имѣютъ права жительства въ Москвѣ. Комитетъ предполагаетъ внести предложеніе, чтобы такія лица лично сами, безъ содѣйствія Общества, выхлопатывали себѣ право жительства.

* * *

† **П. П. Исаевичъ.** Въ ночь на 13 сентября скончался бывшій цензоръ драматическихъ сочиненій и членъ совѣта театральнаго общества Петръ Петровичъ Исаевичъ. Въ качествѣ цензора драматической цензуры, покойный, отличавшійся рѣдкой сердечностью, пріобрѣлъ въ театральномъ мірѣ много друзей. Покойный П. П. старался всегда согласовать свой служебный долгъ съ административнымъ тактомъ, и нельзя было не оцѣнить такого отношенія.

Покойный скончался еще сравнительно въ молодыхъ годахъ—43 лѣтъ отъ роду.

* * *

† **А. И. Барсовъ** (Нотикъ). Въ Симферополѣ на-дняхъ скончался отъ чахотки небезызвѣстный актеръ А. И. Барсовъ. Покойный на средства Т. О. былъ отправленъ въ Италію, гдѣ значительно поправился. Лѣтомъ нынѣшняго года, по возвращеніи изъ Италіи, покойный служилъ въ „Озеркахъ". Прошлый зимній сезонъ Барсовъ служилъ у г. Басманова въ Нижнемъ.

* * *

15-го сентября открылся театръ-концертъ „Аполло" (бывшій „Альказаръ"), подъ дирекціей П. Я. Тюрина. Программа значительно оживлена и приспособлена для болѣе „чистой" публики. 14 сентября состоялась „генеральная репетиція" для приглашенныхъ, на которой присутствовали нѣкоторые артисты, журналисты и пр. Повышеніе входной платы—едва-ли не самое лучшее средство придать театру желательный характеръ. Управляющимъ у г. Тюрина состоитъ М. П. Тамамшевъ.

* * *

Василеостровскій театръ началъ сезонъ спектаклемъ „въ память А. П. Чехова“. Послѣ душераздирательныхъ и сердцещипательныхъ мелодрамъ, которыми столько лѣтъ просвѣщалъ публику Василеостровскій театръ, — переходъ къ Чехову является какъ нельзя болѣе неожиданнымъ!.. Оно, конечно: Чеховъ—хорошій писатель, но при чемъ тутъ публика Василеостровскаго театра, которой болѣе по вкусу „Двѣ сиротки“ и „Парижскіе нищіе“. Чеховъ—не по публикѣ Василеостровскаго театра, да, пожалуй, и не по актерамъ, которые отнеслись къ пьесѣ (шли „Три сестры“) очень старательно, даже любовно, но не какъ къ пьесѣ „настроенія“, а какъ къ обыкновенной мелодрамѣ. Изъ всѣхъ исполнителей только и можно помянуть добрымъ словомъ г. Кускова въ роли Кулыгина и г-жу Гаршину въ роли Ольги. Они по крайней мѣрѣ понимали, что имъ нужно было дѣлать. Хорошо бы справилась съ ролью Ирины г-жа Ланская, если бы отъ нея не вѣяло непозволительнымъ здоровьемъ и если бы у ней было чуть-чуть побольше нервовъ. Г. Бережному, какъ режиссеру труппы, хотя бы „въ память Чехова“, слѣдовало играть посдержаннѣе и поменьше шаржировать. Роль Маши совсѣмъ не въ средствахъ г-жи Снѣжинской. Остальные ужъ совсѣмъ не вѣдали, что творили.

Зато съ внѣшней стороны пьеса обставлена, принимая во вниманіе скромныя средства театра, прямо прекрасно. Многое позаимствовано изъ постановки Художественнаго театра, но въ данномъ случаѣ это не лишне. *Л.*

С. В. Рахманиновъ.

(Новый дирижеръ Московскаго Большого театра).

Балетъ. Танцовавшая годъ въ Москвѣ наша молодая танцовщица Л. Г. Кякштъ переведена на петербургскую сцену вновь. Первый выходъ талантливой танцовщицы состоялся 12 сентября, въ балетѣ „Волшебное зеркало“. Публика встрѣтила юную артистку очень сочувственно. Г-жа Кякштъ протанцовала adagio, классическую варіацію и pas de trois съ г-жею Сѣдовою и г. Козловымъ и имѣла солидный успѣхъ. Годъ пребыванія г-жи Кякштъ въ Москвѣ не прошелъ безслѣдно: въ ея танцахъ теперь больше увѣренности, апломба и жизни.

Въ общемъ же, не смотря на все стараніе артистовъ, балетъ, благодаря неинтересной музыкѣ, оставилъ удручающее впечатлѣніе. Изъ участвовавшихъ по успѣху выдѣлились г-жи Преображенская, Сѣдова, Полякова и Виль.

Гораздо лучшее впечатлѣніе произвелъ на меня, поставленный для начала спектакля, оригинальный, поэтичный и мелодичный балетъ „Жемчужина“. Я говорю „оригинальный“, такъ какъ, если не считать бал. „Щелкунчикъ“, гдѣ въ valse des flocons de neige“, раздаются, въ видѣ эхо, человѣческіе голоса, это единственный изъ видѣнныхъ мною балетовъ, въ которомъ принимаетъ участіе оперный хоръ, дважды распѣвающій за сценой поэтическую пѣсенку.

Въ антрактахъ этого спектакля среди балетомановъ прошелъ слухъ объ увольненіи изъ числа преподавателей театральнаго училища П. А. Гердта и Е. П. Соколовой и о ихъ гг. Фокинымъ и Легатомъ. Если это только слухъ, конечно, ему не стоитъ придавать значенія, а если это то остается пожалѣть училище. *Н.*

* * *

Народный домъ. Пьеса Н. Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла“ впервые была представлена на сценѣ въ февралѣ 1834 г. Тогдашняя критика находила, что, какъ историческая картина смутнаго времени „Рука Всевышняго“ „отличалась вѣрной обрисовкой великихъ личностей той эпохи и вѣрнымъ изображеніемъ событій, рѣшившихъ судьбу Россіи“. Но, увы, теперь даже и этихъ комплиментовъ по адресу пьесы Кукольника сказать нельзя. Въ „вѣрности изображенія“ такихъ событій, какъ неожиданное „воскресенье“ Пожарскаго, и можно и должно сильно усомниться. Что же касается „вѣрности обрисовки“ Пожарскаго, Минина, Трубецкого и др., то объ этомъ и говорить не приходится: никакихъ „характеровъ“ въ пьесѣ нѣтъ, а есть лишь одни патріотическіе монологи, никого не „обрисовывающіе“. Безъ программы и не разберешь дѣйствующихъ лицъ, и монологи, произносимые однимъ „историческимъ характеромъ“, можно совершенно свободно передать другому. „Рука Всевышняго“—это патріотическій монологъ въ лицахъ, написанный въ условной манерѣ добраго стараго времени.

Впрочемъ, въ „манерѣ добраго, стараго времени“ есть кое что и цѣнное. Напр., монологъ Минина въ прологѣ состоитъ изъ 88 строкъ очень тяжелыхъ для чтенія стиховъ, а все-таки онъ заканчивается подъ шумные апплодисменты публики.

Что особенно устарѣло въ пьесѣ Кукольника—это языкъ, тяжелый, непоэтическій, полный старинныхъ оборотовъ. Въ Народномъ домѣ значительно „подновили“ языкъ, т. е. передѣлали и „реставрировали“ почти всѣ устарѣвшія выраженія. Пьесу Кукольника въ томъ видѣ, какъ она написана, играть немыслимо. Да и думается, что и семьдесятъ лѣтъ назадъ, когда пьеса Кукольника была поставлена впервые, она пользовалась исключительно успѣхомъ только потому, что тогда были спеціальные актеры, какъ Каратыгинъ I (игралъ Пожарскаго) и Борецкій (игралъ Минина), которые были въ силахъ цѣлыми часами кричать высокопарные стихи Кукольника. Теперь же актеръ пошелъ „щупленькій“, больше умѣющій выдерживать полутонъ Чехова, чѣмъ выкрикивать монологи. Время Несчастливцевыхъ прошло, а съ ними вмѣстѣ забыли „Смерть Ляпунова“ и т. п. „оральныя пьесы“.

Публикѣ Народнаго дома „реставрированная“ пьеса Кукольника, впрочемъ, понравилась.

Исполненіе старательное. Хорошо справился съ ролью Пожарскаго г. Скарятинъ. У артиста сильный голосъ и распоряжается онъ имъ настолько умѣло, что безконечные выкрики Пожарскаго его ничуть не затруднили. У г. Кремнева-Минина наоборотъ, недостаточно силенъ голосъ для подобныхъ ролей. То же приходится сказать и про г-жу Борецкую, вѣрно задумавшую Марину Мнишекъ. У артистки хорошо прошла сравнительно тихая сцена сумасшествія, но не совсѣмъ удалась бравурная сцена объясненія съ Пожарскимъ. *В. Л.*

* * *

Два „неустоечныхъ“ казуса.

Г. Бѣлгородскій, заключившій въ мартѣ черезъ Бюро контрактъ къ г. Ковалевскому, въ іюнѣ заявилъ въ Бюро, что желалъ-бы служить у г. Долинова въ Одессѣ. Бюро снеслось съ г. Ковалевскимъ, и въ іюлѣ получено было отъ послѣдняго заявленіе о согласіи освободить г. Бѣлгородскаго отъ контракта при условіи уплаты неустойки въ размѣрѣ 900 руб. Черезъ Бюро былъ заключенъ новый договоръ между гг. Долиновымъ и Бѣлгородскимъ, причемъ г. Долиновъ заявилъ, что уплатитъ неустойку въ августѣ. Дѣйствительно, 7 августа г. Долиновъ перевелъ въ Петербургъ въ Т. О. 900 р. неустойки. Т. О., съ своей стороны, немедленно увѣдомило Бюро, что въ кассу Т. О. поступило отъ г. Долинова 900 руб. для уплаты неустойки г. Ковалевскому. Къ этому времени появились слухи о намѣреніи г. Ковалевскаго антрепризы въ Москвѣ не держать и дѣло ликвидировать. Въ теченіе 10 дней ничего опредѣленнаго не было извѣстно. Только 18 августа въ Бюро выяснилось, что г. Ковалевскій, дѣйствительно, ликвидируетъ дѣло и платитъ артистамъ неустойку.

Когда вѣсть объ этомъ дошла до г. Долинова, онъ потребовалъ телеграммой обратно 900 руб. Приглашенные Совѣтомъ юристы высказались въ томъ смыслѣ, что Бюро есть, собственно говоря, переводный банкъ и что послѣ того какъ г. Ковалевскій былъ извѣщенъ, что на его имя получено 900 руб., вопросъ о томъ, взялъ-ли г. Ковалевскій переведенныя на его имя деньги или нѣтъ, отпадаетъ. Г. Ковалевскому не было надобности немедленно получить 900 руб. и деньги эти числились на „текущемъ счету“ г. Ковалевскаго. Поэтому Совѣтъ постановилъ выдать неустойку г. Ковалевскому. Послѣдній пожертвовалъ деньги въ пользу благотворительныхъ учрежденій Т. О.

Другой, также любопытный, актерскій казусъ. В. М. Петипа подписалъ еще весной контрактъ къ г. Петросьяну въ Кишиневъ. Послѣ дебюта въ театрѣ Корша въ концѣ августа, г. Коршъ пригласилъ г. Петипа въ свою труппу. Связанный контрактомъ, г. Петипа черезъ Бюро сдѣлалъ запросъ у г. Петросьяна, можетъ-ли онъ освободить его отъ контракта, причемъ Петипа высказалъ готовность уплатить неустойку. На эту телеграмму получился отъ г. Петросьяна отрицательный отвѣтъ. Тогда Бюро увѣдомило г. Петросьяна, что г. Петипа вы-

ѣдетъ въ Кишиневъ 7 сентября. По семейнымъ обстоятельствамъ г. Петипа, пріѣхавшій передъ отъѣздомъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней въ Петербургъ, замѣшкался и 8 сентября, уже садясь въ поѣздъ, получилъ телеграмму отъ г. Петросьяна, что де онъ освобождаетъ его отъ контракта и уже пригласилъ на его мѣсто другого актера.

Такимъ образомъ, г. Петипа остался при „пиковомъ“ интересѣ: и къ г. Коршу не подписалъ контракта и потерялъ службу у г. Петросьяна.

Въ виду того, что приглашеніе г. Петросьяномъ на мѣсто г. Петипа другого артиста явилось для г. Петипа полной неожиданностью, а въ то же время г. Петипа, только вслѣдствіе неполученія разрѣшенія отъ г. Петросьяна, не подписалъ контракта къ Коршу, г. Петипа намѣренъ искать съ г. Петросьяна неустойку.

* * *

Сезонныя замѣтки. Открылся „Драматическій театръ“ В. Ф. Коммисаржевской, о которомъ такъ много говорили и которому такъ искренно желали успѣха преданные театру люди. Несомнѣнно, что Петербургъ нуждается въ хорошемъ театрѣ,—просто въ „хорошемъ“. Достаточно указать на то, что мимо Петербурга прошелъ самый лучшій репертуаръ послѣдняго времени, или же что наиболѣе интересныя новинки появлялись на сценѣ такихъ театровъ, какъ „Новый театръ“ г-жи Яворской, о которомъ, разумѣется, нельзя говорить серьезно. Поле для „хорошаго“ театра, такимъ образомъ, очищено. Затѣмъ г-жа Коммисаржевская—талантливая артистка, пользующаяся большою любовью публики. Это—опять огромный „козырь“. Съ точки зрѣнія финансовой, г-жа Коммисаржевская можетъ „страховать“ возможныя неудачи частныхъ постановокъ. И еще цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ счастливо сочетался въ этомъ предпріятіи, обезпечивая ему прочный успѣхъ. Такъ, съ вѣрою въ успѣхъ дѣла, въ „Драматическій театръ“ г-жи Коммисаржевской перешли изъ Александринскаго театра даровитый А. И. Каширинъ, любимый извѣстною частью публики П. В. Самойловъ, а изъ театра Литературно-Художественнаго общества, безспорно, крупный актеръ, умный толкователь ролей, К. В. Бравичъ. Я не говорю о многихъ, пользующихся хорошею репутаціею, провинціальныхъ актерахъ, въ достоинствѣ которыхъ г-жа Коммисаржевской, во время ея гастролей въ провинціи, такъ легко было убѣдиться. И наконецъ, какое богатство неиспользованнаго или мало использованнаго репертуара!

Хотя нѣкоторые недостатки организаціи ярко бросались въ глаза, тѣмъ не менѣе я съ большимъ интересомъ переступилъ порогъ новаго „Драматическаго театра“.

Буду надѣяться, что неудачная постановка „Уріэля Акосты“—случайность, которая рѣшительно ничего не предопредѣляетъ въ судьбѣ новаго театра.

Н. А. Поповъ проститъ мнѣ опредѣленность этого сужденія. Я считаю прежде всего, что невозможно не зачѣмъ и не къ чему ставить „Уріэля Акосту“, когда нѣтъ настоящаго исполнителя главной роли. Г. Самойловъ слишкомъ явно страдаетъ отсутствіемъ силы и „сосредоточенной воли“, замѣняемыхъ нервическимъ трепетаніемъ, и едва ли у режиссера могла быть надежда, что нечаянно изъ этой роли у г. Самойлова что-нибудь выйдетъ. Но и ведется Уріэль Акоста г. Самойловымъ неправильно. „Ключъ“ всей роли представляютъ двѣ сцены: объясненіе съ де Сильвой и отреченіе въ синагогѣ. Любовный элементъ—на второмъ планѣ, и романтизмъ влюбленнаго, условность „jenne premier'ства“ — совершенно здѣсь не годятся. А этотъ тонъ сталъ уже рутиной г. Самойлова. Самый гримъ его, въ отдаленномъ сходствѣ напоминавшій „Что есть истина“ Ге, т. е. болѣе оттѣнявшій болѣзненную встревоженность мысли, нежели радость сильнаго ума, одержавшаго своею книгою такую блистательную побѣду,—разрушалъ интересъ зрителя къ трагедіи этого сильнаго духомъ человѣка. Ибо объ Уріэлѣ Акостѣ именно можно сказать:

Какой свѣтильникъ разума угасъ!
Какое сердце биться перестало!

Въ сценѣ съ де-Сильвой, котораго превосходно изображалъ г. Бравичъ, Уріель Акоста казался не равноцѣннымъ и равновеликимъ мыслителемъ, только помоложе, чѣмъ де-Сильва, и потому болѣе пылкимъ и прямолинейнымъ, но встревоженнымъ гимназистомъ. Въ пѣвучемъ однообразіи „каданса“, съ которымъ г. Самойловъ читалъ стихи, исчезала совершенно личность мыслителя. Онъ казался еще влюбленнымъ въ Юдиѳь, но совсѣмъ не былъ влюбленъ въ мысль, въ абстракцію, въ идею. А идея должна носиться все время предъ Акостой, и въ складкахъ лба надо видѣть, какъ глубоко она засѣла въ его мозгу, и какое почти физическое для него значеніе имѣетъ діалектическій споръ съ де-Сильвой.

Сцена въ синагогѣ ясна для каждаго. Къ слабости г. Самойлова режиссеръ присоединилъ едва ли удачную постановку. Евреи въ синагогѣ вели себя, какъ бѣсноватые, кувыркались, шумѣли, кричали. Въ Балтѣ или Бердичевѣ можетъ быть оно такъ и есть, но дѣло въ томъ, что при такихъ условіяхъ рѣшительно невозможно представить столкновеніе двухъ міровъ, двухъ міросозерцаній. Бѣснующаяся, вульгарная толпа—слишкомъ ничтожный противникъ для Уріэля Акосты. Переступающіе черезъ распростертое тѣло его, евреи переступаютъ черезъ духъ его. Это—великій символъ. Они сосредоточено, важно, съ религіознымъ убѣжденіемъ, совершаютъ этотъ актъ. Оскорбленіе религіозной святыни держитъ ихъ въ оцѣпенѣніи, а со сценической точки зрѣнія, только при такомъ условіи и мыслимо произнести монологъ Акосты.

Обращаясь къ подробностямъ постановки, скажу также, что „вой“ гостей Менассе при отлученіи Уріеля отъ синагоги, смѣхъ гостей въ началѣ пьесы и пѣніе птичекъ — врядъ ли умѣстны и нужны. Все хорошо во благовременіи и съ театральной точки зрѣнія. Насколько умѣстна музыка (кстати, хорошо подобранная) во время свадьбы, настолько безцѣльны, а потому и вредны эти quasi-музыкальные „интервалы“ плача, воя и смѣха. Все это — трафаретъ московскаго Художественнаго театра, разбивающій настроеніе, мѣшающій слушать и воспринимать. Музыкальность, дѣйствительно, должна составлять для режиссера предметъ постоянной заботы, но какая музыкальность? Я вижу чрезвычайное пренебреженіе къ музыкальности въ томъ, напримѣръ, какъ подобраны голоса слѣпой матери Акосты и его братьевъ: и голоса, и дикція ихъ, и манера—создавали настоящую какофонію.

Буду суровъ—потому что суровость моя диктуется истинными симпатіями къ Н. А. Попову, преданнѣйшему и образованному работнику театра, и къ новому предпріятію г-жи Коммисаржевской. Возьмемъ де-Сантоса, въ роли котораго выступилъ провинціальный актеръ г. Гардинъ, видимо, вполнѣ способный человѣкъ. Мнѣ думается, что здѣсь были умышленное сгущеніе красокъ и напущенная свирѣпость. По даннымъ своимъ, г. Гардинъ вполнѣ подходитъ къ де-Сантосу—только бы не было непремѣннаго стремленія „характерничать“. Вѣдь это также выдумка московскаго Художественнаго театра, и очень дешевая выдумка. Бенъ Іохай—г. Урванцевъ, кажется, также актеръ способный, но поводя все время лѣвымъ плечомъ впередъ, не стремился ли онъ подчеркнуть развязность бенъ Іохая? И тутъ стремленіе къ „характерничанью“.

Н. А. Поповъ игралъ бенъ-Акибу. У него очень живописная наружность, отлично задуманныя движенія, но такъ какъ благодаря тщательности, съ которой этотъ „внѣшній образъ“ задуманъ, исполнитель все время чувствовалъ себя связаннымъ, то „внутренній образъ“ старца былъ менѣе ясенъ, нежели внѣшній. А кстати, и говорить слѣдовало г. Попову громче. Все же исполненіе г. Попова заслуживаетъ похвалы.

Въ роли Юдиѳи выступила А. П. Домашева. Перерывъ въ сценической дѣятельности не послужилъ ей на пользу. Голосъ ея сталъ какъ будто меньше, а великъ онъ никогда не былъ. Очень красивая, типичная по внѣшности, Юдиѳь, но съ малою страстью и недостаточно трогательная.

Г. Тихомировъ, котораго я помню очень пріятнымъ актеромъ въ роляхъ простаковъ, притворялся Менассе и разговаривалъ, какъ тому учитъ Вл. И. Немировичъ-Данченко. Но откровенно говоря, я не повѣрилъ ни этому Менассе, ни обученію простаковъ искусству резонеровъ по методамъ московскаго Художественнаго театра.

Таково впечатлѣніе. Безукоризненнаго де-Сильву, г. Бравича, я уже называлъ. Отмѣчу большую тщательность въ нѣкоторыхъ частностяхъ постановки, прекрасные акссессуары и декораціи, горячую любовь къ дѣлу и пожелаю этому театру и г. Попову всяческаго процвѣтанія. Замѣчу мимоходомъ, что, повидимому, завоевать этотъ успѣхъ будетъ не легко, судя по отзывамъ печати. Петербургская театральная критика, въ общемъ, не отличается избыткомъ суровости, здѣсь же внезапно проявила „жестокое сердце“.... не далѣе, какъ черезъ недѣлю послѣ постановки „Иванова“ въ „Новомъ театрѣ“! Газетамъ слѣдуетъ держаться ужъ чего нибудь одного: или снисходительности или суровости. А-то выходитъ чортъ знаетъ что: на столбцахъ одного и того же изданія печатаются рядомъ и строгіе, и снисходительные отзывы. Да и другого еще рода печатаются, но объ этихъ уже толковать не будемъ.

Въ Александринскомъ театрѣ возобновили „Горячее сердце“. Прекрасная пьеса! Никакъ не могу согласиться съ тѣми критиками, которые (начиная, впрочемъ, еще съ 1869 г., когда пьеса была впервые поставлена) находятъ въ ней преувеличенія, приближающія ее къ фарсу. Дѣло не въ названіи: „фарсъ“, „комедія“ и пр., а въ томъ, что въ „Горячемъ сердцѣ“ вылился духъ Островскаго такъ смѣло, ярко и сочно, какъ въ немногихъ другихъ его пьесахъ. У каждаго автора нужно выбирать то, что для него наиболѣе характерно, „Chacun a son article dans son ventre“, какъ говаривалъ Вильмесанъ, и это-то „нутро“ каждаго дарованія слѣдуетъ извлекать на свѣтъ Божій. „Нутро“ Островскаго—все въ „Горячемъ сердцѣ“, оно горитъ здѣсь всею болью Островскаго, всей истиной его и всѣмъ его восторгомъ.

Г. Санинъ хорошо поставилъ пьесу. Когда я говорю: „хорошо поставилъ“—это значитъ, что ее хорошо играли, а декораціи, бутафорія и пр. мелочи могутъ быть при этомъ очень дурны. Общій тонъ былъ правильный, свѣжій, широкій, если не всюду „горячій“, то по крайней мѣрѣ, искренній и склон-

ный загораться. Слабѣе всего исполнены были женскія роли Параши—г-жей Шуваловой, которой не хватало силы и яркости, и Матрены—г-жей Васильевой, которая производила впечатлѣніе надворной совѣтницы, со „словами" Островскаго. Прекрасно игралъ г. Давыдовъ Хлынова, и соперничали съ нимъ гг. Варламовъ и Медвѣдевъ. *Homo Novus.*

* * *

Заграничныя мелочи.

— Новая пьеса Гергардта Гауптмана „Флоріанъ Гейэръ" пойдетъ въ первый разъ на сценѣ берлинскаго „Lessing Theater" 15 октября.

— „Саломея"—одноактная пьеса Оскара Уайльда,—скандалезная жизнь коего была предметомъ недавняго громкаго судебнаго процесса,—пользуется въ Берлинѣ исключительнымъ успѣхомъ. „Саломея" давалась и въ Петербургѣ, въ прошломъ году, но въ значительной „передѣлкѣ", подъ названіемъ „Пляска семи покрывалъ". На сценѣ берлинскаго „Neues Theater" „Саломея" обставлена чрезвычайно роскошно; на дняхъ состоялось сотое ея представленіе за короткій, сравнительно, промежутокъ времени, причемъ главную мужскую роль (царя Ирода) съ успѣхомъ исполнилъ д-ръ Вюльнеръ, извѣстный въ Германіи концертный пѣвецъ, впервые выступившій въ этотъ вечеръ въ качествѣ драматическаго актера.

— Сгорѣвшій въ декабрѣ прошлаго года театръ „Ирокезъ", въ Чикаго, вновь отстроенъ и, какъ сообщаютъ изъ Нью-Іорка, 22 сентября нов. ст. состоялось торжественное открытіе его. Театръ былъ переполненъ. Дирекція театра въ публикаціяхъ особенно указываетъ на то, что театръ „несгораемъ"; впрочемъ, то же самое говорилось и о сгорѣвшемъ театрѣ, что не помѣшало ему сгорѣть и унести небывалое количество жертвъ.

— 6 сентября въ берлинскомъ Lessing-Theater состоялось сотое представленіе послѣдней драмы Гауптмана „Роза Берндъ".

* * *

Гатчина. Общественное собраніе снято на предстоящій зимній сезонъ А. Ѳ. Райскимъ. Составъ труппы: г-жи В. В. Пушкарева, М. К. Палѣй, М. Ѳ, Григорьева, Лелина, Коврова-Брянская, гг. А. А. Чаргонинъ, Левашововъ (?), А. Ѳ. Райскій, Гурскій. Сезонъ открывается 19 сентября „Сыщикомъ".

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Астрахань. Г. Собольщикову-Самарину очистилось за два мѣсяца, какъ говорятъ, за всѣми расходами, свыше 8 тыс. руб. (валовая выручка простиралась до 20 тыс.). Наиболѣе „хлѣбными" въ смыслѣ сборовъ оказались пьесы обстановочнаго характера и съ кричащими названіями. Большую сумму въ общей сложности дали спектакли по пониженнымъ цѣнамъ—отъ 5 коп. до рубля, впервые введенные въ Астрахани г. Собольщиковымъ же четыре года тому назадъ.

Вольскъ. Г. Дальскій оставляетъ слѣды своего тріумфальнаго шествія. Вотъ что читаемъ въ „Прив. Кр." о гастроляхъ г. Дальскаго въ Вольскѣ.

Слѣдовало съ гастролера получить за пользованіе заломъ пятнадцать цѣлковыхъ. Отдалъ только пять. Напомнили. Обидѣлся.

— Мое имя вамъ ручательство въ уплатѣ. Не нужно знаковъ подданичества...

Однако, старшины, невѣжественный народъ, на этомъ не остановились. Послали напомнить еще разъ швейцара.

Гастролеръ при появленіи посла всталъ въ позицію и произнесъ изъ „Короля Лира":

— Не становись между львомъ и его яростью!!!

И сдѣлалъ соотвѣтствующій трагическій жестъ.

Швейцаръ былъ „потрясенъ" и кубаремъ скатился съ лѣстницы.

На языкѣ комедіи жизни это называется „дать въ шею".

Трагика оставили въ покоѣ. Онъ доблестно отступилъ на пароходъ и покинулъ (увы! навсегда) городъ Вольскъ...

Екатеринославъ. Труппа А. Ф. Фишзона, закончивъ лѣтній сезонъ въ театрѣ общественнаго собранія, основалась на зиму въ аудиторіи народныхъ чтеній.

Иркутскъ. 2 сентября начались спектакли оперной труппы г. Вольскаго. Газеты труппой довольны, только одна изъ нихъ скорбитъ по поводу того, что „пыль лежала на барьерахъ ложъ толстымъ слоемъ и оставалась на локтяхъ костюмовъ зрителей обоего пола (!!)".

Казань. Засѣданіе думы 10 сентября было посвящено разсмотрѣнію составленнаго театральной коммисіей новаго проекта договора по арендѣ городского театра.

Наиболѣе существенныя измѣненія въ сравненіи съ дѣйствующимъ договоромъ слѣдующія.

Минимальное количество обязательныхъ для антрепренера спектаклей, по новому проекту, устанавливается пять въ недѣлю для зимняго сезона и четыре—для весенняго.

Эксплуатація вѣшалокъ, по проекту новаго договора, остается за городомъ, между тѣмъ какъ по дѣйствующему договору она предоставлялась арендатору за 8 т. рублей въ годъ, съ правомъ взимать плату за пользованіе вѣшалками при продажѣ входныхъ билетовъ.

Проектомъ новаго договора ни въ какомъ случаѣ не допускается увеличеніе платы за мѣста галлереи и балкона.

Кромѣ общедоступныхъ спектаклей (не менѣе одного раза въ недѣлю), арендаторъ обязуется, по новому проекту договора, давать еще утренніе спектакли въ праздничные дни (не менѣе двухъ въ мѣсяцъ).

Право театральной коммисіи требовать измѣненія представленнаго ей антрепренеромъ репертуара впередъ на недѣлю ограничивается по новому договору условіемъ, чтобы такое требованіе было предъявлено не позднѣе двухъ дней послѣ представленія репертуара антрепренеромъ.

Калуга. Въ арендуемомъ Н. Д. Кручининымъ городскомъ театрѣ въ предстоящій зимній сезонъ будетъ драма подъ управленіемъ г. Леонова. Открытіе спектаклей предполагается въ двадцатыхъ числахъ сентября.

Кіевъ. Намъ пишутъ: Любопытный конфликтъ возникъ между редакціей „Кіев. Газеты" и профессоромъ пѣнія А. Ромей. Рецензентъ газеты въ отзывѣ объ г-жѣ Друзякиной назвалъ ее ученицей г-жи Сантагано-Горчаковой. Г. Ромео заявилъ письмомъ въ редакцію, что г-жа Друзякина закончила свое вокальное образованіе у него. Послѣ этого „пошла писать губернія". Финаломъ инцидента—послужило письмо въ редакцію г-жи Друзякиной, которая, не отрицая занятій у г-жи Горчаковой,—воздала должное профессорскому таланту г. Ромео.

— М. М. Бородай вошелъ на-дняхъ въ думу съ ходатайствомъ о разрѣшеніи уплачивать прошлогодній долгъ за освѣщеніе въ суммѣ 1620 р. по 30 руб. въ вечеръ и сослался при этомъ на „плохія дѣла и крайне стѣсненныя матеріальныя обстоятельства"...

— Столѣтіе со дня рожденія М. И. Глинки будетъ торжественно отпраздновано 16 сентября въ Городскомъ театрѣ.

— Опера въ Городскомъ театрѣ дѣлаетъ пока болѣе тысячи руб. на кругъ. Всѣ новые артисты уже прошли предъ публикой болѣе или менѣе удачно.

— Съ артистомъ кіевской оперы г. Дарскимъ произошелъ на-дняхъ слѣдующій случай. Въ то время когда онъ выходилъ изъ театра послѣ „Аиды", молодежь устроила ему овацію. Нѣсколько человѣкъ изъ особенно пылкихъ поклонниковъ подхватили тенора и стали его качать. Когда „чествованіе" прекратилось, г. Дарскій обнаружилъ пропажу изъ кармана кошелька съ 29 руб. Какъ дорого обходится въ Кіевѣ — имѣть успѣхъ!

Кишиневъ. Театръ въ Пушкинской аудиторіи (антреприза г. Петросьяна) откроется 16 сентября „Старымъ закаломъ".

Новочеркасскъ. У артистовъ В. В. Ромазанова и А. П. Андросовой изъ ихъ номера въ „Европейской" гостиницѣ, черезъ открытое окно, украдены золотые часы, костюмъ и кошелекъ съ деньгами всего 640 руб.

Новгородъ. Антреприза Л. А. Рудневой. Драма. Открытіе 26 сентября. Составъ труппы: гг. А. П. Кальверъ (режиссеръ), А. В. Ракитинъ, Г. И. Борскій, В. К. Бѣльскій, А. А. Любомірскій, П. И. Гадаловъ, И. М. Абрамовъ, А. А. Богатовъ (суфлеръ), г-жи Л. А. Руднева, Е. И. Арнольдъ, Е. Л. Скуратова, Е. В. Грановская, Н. В. Ефимова, М. А. Першина, И. А. Юрьева, Ю. Ф. Перетцъ-Богатова.

Н.-Новгородъ. Составъ труппы г. Басманова: г-жи Аморетти, Антонелли, Арбенина, Арская, Бѣлозерская, Васильева, Владимирова, Долина, Изгорина, Лаврова, Лукина, Максимова, Миртова, Радина, Ракшанина, Писарева, Скабовичъ, Трефилова. Гг. Абловъ, Агаревъ, Вербицъ, Драницынъ, Ивановъ, Калита, Катанскій, Кагуринъ, Лярскій-Муратовъ, Нининъ, Пеняевъ, Разинъ, Суворовъ, Сумароковъ, Финисовъ, Чечинъ, Шатовъ, Янушевъ. Режиссеры гг. Басмановъ и Абловъ. Открытіе сезона 23 сентября.

— Предложеній эксплуатаціи Народнаго дома общества грамотности поступило въ Совѣтъ Общества много, но ни одного подходящаго и солиднаго. 12 сентября состоялся дебютный спектакль труппы любителей, руководимой режиссеромъ г. Рокотовымъ, который выражаетъ желаніе снять Народный домъ на весь зимній сезонъ.

На послѣднемъ засѣданіи Общества, между прочимъ, былъ прочитанъ докладъ коммисіи по постройкѣ школы имени Ѳ. И. Шаляпина. На должность попечителя школы Совѣтъ предложилъ избрать Ѳ. И. Шаляпина.

Одесса. М. Г. Савина выступила въ слѣдующихъ пьесахъ: „Вишневый садъ", „Пустоцвѣтъ", „Обыкновенная исторія". „Мѣсяцъ въ деревнѣ". На-дняхъ, съ участіемъ г-жи Савиной, будетъ поставлена новая пьеса „Своей чередой".

— На-дняхъ скончалась молодая артистка Шафранъ, жена извѣстнаго артиста нѣмецкой труппы г. Каминскаго, г. Раппеля. Покойная играла въ прошломъ году на подмосткахъ Русскаго театра.

Орелъ. Зимній сезонъ. Драма. Антреприза г. Крамолова. Составъ труппы: г-жи З. П. Терская, Е. В. Недвѣдская, Л. Н. Лярова, В. Л. Казина, Л. В. Азанчевская, М. Х. Волжина, Е. А. Зайцева, О. М. Ленская, К. П. Кречетова, А. П. Томкевичъ и М. С. Громова; гг. Б. Ю. Мирскій, А. Н. Каренинъ,

В. Н. Томскій, В. Ф. Путяга, Ф. А. Томкевичъ, А. А. Васильевъ, В. Н. Федосовъ, В. В. Злобинъ, Г. С. Ермоловъ, Г. В. Борскій и А. С. Зининъ. Главный режиссеръ—Б. Ю. Мирскій. Очередные режиссеры: Е. В. Недвѣдская, А. Н. Каренинъ, В. Ф. Путята, А. Н. Всеволожскій. Суфлеръ—А. Н. Всеволожскій. Помощникъ режиссера—С. П. Ланской. Отрытіе сезона предполагается 1-го октября.

Самара. Составъ труппы, подъ управленіемъ Н. Д. Кручинина: г-жи Андреева, Болычевцева, Волгина, Горская, Каменская, Ларизина, Леонидова, Ольгина, Петровская, Полонская, Ратѣева, Рощина-Инсарова, Торопова и Энгельгардъ и гг. Андреевъ-Горскій, Бѣлостоцкій, Бородинъ, Востоковъ, Горскій, Гундобинъ, Жуковскій, Звѣздичъ, Каринъ, Лавровъ-Орловскій, Муравлевъ-Свирскій, Немировъ, Невѣринъ, Разсудовъ, Смирновъ, Тихоновъ и Шанинъ. Режиссеры: А. М. Звѣздичъ (главный) и г. Борисловскій. Сценаріусъ г. Мишинъ. Суфлеры: г. Ивановъ и г-жа Орлицкая. Художникъ-декораторъ г. Кувалдинъ. Имени г-жи Алмазовой на афишѣ совсѣмъ не упоминается. День открытія сезона пока не объявленъ.

Саратовъ. Новый театръ Очкина. Зимній сезонъ. Оперетка. Составъ труппы: г-жи Никитина, Стефани-Варгина, Капланъ, Соколова, Арнольди, Тенишева, Самохвалова и др., гг. Блюменталь-Тамаринъ, Чабанъ, Монаховъ, Шелиховъ, Тумашевъ, Новиковъ, Эспе, Громовскій, Востоковъ. Первый спектакль—15 сентября.

Таганрогъ. Дума постановила увѣковѣчить память Чехова постройкой зданія для „городской имени А. П. Чехова библіотеки".

Томскъ. Въ театрѣ Королева, который сейчасъ капитально ремонтируется, съ 15 сентября будутъ даваться оперные спектакли подъ управленіемъ г. Эйхенвальда. Въ общественномъ собраніи будетъ играть труппа драматическо-опереточныхъ артистовъ - малороссовъ; составъ труппы: Ясновская, Долина, Андреева, Соколова, Ипполитова, Самалій, Зологина, Свичкаренко, Коваленко, Виленская, Сидорова, Бабенко. гг. Матусинъ, Хшара, Лымаренко, Андреевъ, Соколенко, Свитлый, Свичкаренко, Омельченко, Сидоренко, Зозуля, Ивченко, Корженко. Режисеръ А. Ф. Матусенко. Въ театрѣ при безплатной библіотекѣ зимній сезонъ открыли артисты-любители пьесою Л. Н. Толстого „Власть Тьмы".

Херсонъ. Во время любительскаго спектакля въ театрѣ попечительства о нар. трезвости одинъ изъ артистовъ, не въ мѣру увлекшись, выстрѣлилъ въ артистку холостымъ зарядомъ, причемъ ожогъ ей все лицо.

— Зимній сезонъ. Антреприза А. М. Каралли-Торцова. Составъ труппы: г-жа О. Н. Ольгина, Л. П. Петипа, Е. Г. Таланова, А. А. Ленская, Н. Д. Борская. О. И. Преображенская, М. Г. Бѣлецкая, В. В. Томская, О. В. Докукина, О. И. Дельсаръ и гг. И. И. Поплавскій, А. А. Горбачевскій, М. Л. Морисонъ, С. А. Алексинъ, А. А. Дымскій, Н. К. Колосовъ, Н. В. Фурсовъ, А. Э. Шахаловъ, Т. В. Дубровскій, Е. П. Дольскій, М. К. Саблуковъ, С. Н. Козовъ, А. П. Александровъ и др. Суфлеръ С. П. Клеинъ. Декораторъ— художникъ Ѳ. Егоровъ, главный режиссеръ А. М. Каралли-Торцовъ, режиссеры И. И. Поплавскій и А. А. Горбачевскій, помощникъ режиссера А. П. Александровъ. Открытіе сезона 29 сентября.

Шуша. Елисаветгр. губ. Здѣсь 23-го августа любителями-мусульманами была поставлена трагедія Шекспира „Отелло". Трагедія эта переведена недавно учителемъ Гашимъ бекомъ Везировымъ. Это единственное произведеніе англійскаго драматурга, которое мусульмане увидѣли на сценѣ на татарскомъ языкѣ. Въ театрѣ буквально негдѣ было яблоку упасть. Представленіе произвело на публику такое сильное впечатлѣніе, что во время сцены смерти Дездемоны публика положительно рыдала. Самъ переводчикъ игралъ Отелло. По окончаніи спектакля публика нарасхватъ стала покупать переводъ „Отелло".

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

*** Неудачная корректура. Небезызвѣстный пѣвецъ-басъ, концертировавшій этимъ лѣтомъ на югѣ Россіи, жалуется... на типографскихъ корректоровъ, безбожно калѣчащихъ программы. Такъ, напримѣръ, въ Геленджикѣ басъ поставилъ на программу:

„Пѣсня Мефистофеля въ погребкѣ Ауэрбаха... муз. Мусоргскаго".

Корректору это не понравилось и въ результатѣ публика съ удивленіемъ читала:

„Пѣсня Мефистофеля въ погребкѣ Ауэрбаха и Мусоргскаго".

Въ Майкопѣ напечатали:

„Пѣсня Мефистофеля въ погребкѣ... муз. Ауэрбаха".

А гдѣ-то напечатали: „Пѣсня Мефистофеля, погребеннаго муз. Луэрбаха".

*** „Акціонерное театральное общество", въ Берлинѣ, эксплуатирующее два театра „Kleines" (тотъ самый, гдѣ третій сезонъ идетъ „На днѣ" М. Горькаго) и „Neues Theater", на состоявшемся на-дняхъ общемъ годичномъ собраніи, постановило выдать въ пользу акціонеровъ 8% на капиталъ послѣ значительной суммы, списанной на амортизацію. А у насъ спорятъ о самой возможности театральнаго акціонернаго предпріятія, какъ о далекой, едва ли осуществимой мечтѣ!..

*** На закрытіи съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Бреславлѣ—родинѣ Гергардта Гауптмана—поставили шуточную „Санаторію у Потонувшаго Колокола" — драму въ 1 дѣйствіи и „6 болѣзняхъ". Дѣйствующія лица: здоровыя—врачъ, естествоиспытатель, писатель; больныя: Роза Берндъ (graviditas amoena), Бѣдный Гейнрихъ (lepra poetica), Старый Баумеръ (vomitas posterior), Раутенделейнъ (nymphomania plebeica), Коллега Крамптонъ (delirium elegans), Сверх-паціентъ. Присутствующіе врачи хотятъ приняться за исцѣленіе всѣхъ этихъ ненормальныхъ людей—больного проказой бѣднаго Генриха, алкоголика Крамптона, нѣсколько слишкомъ страстную Раутенделейнъ и сверх-чувственнаго сверх-паціента, героя „драмы будущаго", но авторъ этому противится... Въ результатѣ, автору этой шутки прописывается „oleum ricini". Впрочемъ, это лишь наша догадка.

*** Говорятъ, будто бы новый „Драматическій театръ" г-жи Коммисаржевской отказалъ Союзу драматическихъ писателей въ агентскомъ креслѣ, при чемъ администрація сослалась на то, что въ теченіи сезона не предстоитъ ни одной постановки пьесы, принадлежащей члену названнаго Союза.

Въ самомъ дѣлѣ, если не предвидится ни одной постановки, зачѣмъ кресло? Его и спрашивать незачѣмъ. По слухамъ, изъ за этого агентскаго кресла возгорѣлись оживленные дипломатическіе переговоры. Надѣемся, дѣло не дойдетъ до разрыва.

*** Какъ характерную иллюстрацію къ вопросу объ артистическихъ контрактахъ, приводимъ выдержки изъ контракта, по которому служатъ артисты у пресловутаго г. Омона въ Москвѣ. Артисты обязаны играть, „какъ въ гор. Москвѣ, такъ равно и въ другихъ городахъ, гдѣ найдетъ нужнымъ г. Омонъ, не требуя особой платы, кромѣ получаемаго жалованья". Такимъ образомъ г. Омонъ имѣетъ право возить труппу по всей Россіи, не оплачивая артистамъ даже расходы по переѣздамъ. А вотъ еще пунктикъ: „за неисполненіе *чего-либо* (?) мною (имя рекъ артиста) г. Омонъ имѣетъ право уволить меня *безъ всякаго суда*". Если болѣзнь продлится три дня, дирекція артиста тоже имѣетъ право уволить. Жалованье артистамъ „считается съ перваго спектакля, хотя бы по контракту и *ранѣе назначенъ срокъ*". „*Неуплата* въ срокъ жалованья *не считается нарушеніемъ контракта*". Если г. Омонъ найдетъ (?), что артистъ не отвѣчаетъ „принятымъ на себя обязательствамъ (?)", то можетъ уволить его, „не подвергаясь за это уплатѣ неустойки". Однимъ словомъ, г. Омонъ можетъ дѣлать все, что угодно. Жить бы всемогущему олимпійцу на Олимпѣ и пить нектаръ вмѣсто того, чтобы торговать „раздробительно"...

*** Отрывокъ изъ рецензіи въ № 22 „Голоса" отъ 22 января 1869 г. по поводу первой постановки „Горячаго сердца".

„Всѣ поклонники г. Островскаго привѣтствовали отъ всей души его возвращеніе послѣ историческихъ хроникъ къ тѣмъ пьесамъ, которыя касаются близкаго и знакомаго автору быта, съ такимъ художественнымъ мастерствомъ имъ описываемаго".

Не находитъ-ли современный читатель, что языкъ блаженной памяти рецензентовъ - самъ по себѣ есть уже въ нѣкоторомъ родѣ историческая хроника?

Въ отзывѣ объ исполненіи читаемъ:

„Г. Музиль съ далеко не лишнимъ юморомъ игралъ приказчика съ горячимъ сердцемъ".

Тонко и осторожно.

А вотъ что вполнѣ опредѣленно:

„Очень плохъ Третьяковъ въ роли Шустрова—полное непониманіе роли и отсутствіе таланта".

Нынче такъ грубо уже не пишутъ. Не та „свобода мнѣній" и большая чувствительность самолюбія.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. г. На этихъ дняхъ мнѣ случилось присутствовать на пріемныхъ испытаніяхъ въ нашемъ театральномъ училищѣ.

Длинной вереницей тянулись предъ экзаменаторами жаждущіе поступленія дѣвицы и юноши. Одни читали немножко лучше, другіе немножко хуже, въ общемъ, никто особенно не выдѣлялся изъ фона. Но вотъ къ рампѣ школьнаго театра, гдѣ происходилъ экзаменъ, подошелъ молодой человѣкъ въ формѣ политехникума.

Среди присутствовшихъ въ зрительномъ залѣ пронесся одобрительный шопотъ; очевидно, многіе знали экзаменующагося за способнаго человѣка.

Студентъ началъ монологъ, „царя Бориса послѣ избранія"; читалъ онъ, по моему скромному мнѣнію, лучше другихъ и обнаружилъ при этомъ красивый звучный голосъ.

Послѣ десяти, пятнадцати строкъ прозвучало обычное „достаточно“ и сейчасъ же за этимъ, „слѣдующій“.

Молодой интеллигентный человѣкъ явно обнаружилъ способности, прекрасную внѣшность, хорошій голосовой матеріалъ. И вдругъ, когда экзаменъ кончился и былъ провозглашенъ перечень счастливцевъ,—то къ изумленію присутствовавшихъ, столь успѣшно экзаменовавшагося студента въ немъ не оказалось.

Неужели аудиторія гг. экземенаторовъ ошиблась? Очевидно—да!

„Брутъ сказалъ, а Брутъ вѣдь честный человѣкъ“.

Обратившись за разъясненіемъ къ одному изъ членовъ конференціи, я получилъ слѣдующій отвѣтъ:

—Г. N. (назовемъ такъ нашего студента) представляетъ собою уже до извѣстной степени опредѣлившагося актера, а намъ нужны только ученики.

Такимъ образомъ молодой способный актеръ, ищущій на казенныхъ драматическихъ курсахъ, быть можетъ, отвѣта на вопросы, которые онъ самъ разрѣшить не въ силахъ, желающій учиться, совершенствоваться, получаетъ отказъ.

Кого же принимаютъ?

Очевидно, только тѣхъ, кто ни аза въ актерскомъ дѣлѣ не знаетъ и изъ которыхъ можно будто бы „слѣпить“ „идеалъ совершенства“ по „своему подобію“. О результатахъ, однако, такого „принципіальнаго“ взгляда краснорѣчиво свидѣтельствуютъ наводнившіе теперь Императорскую сцену гг. Гарлины, Михайловы, Пашковскіе и т. д.

Прим. и пр. *Р.*

М. г. г. редакторъ! Служа въ малорусской труппѣ г. Ванченко въ качествѣ хориста и хормейстера, съ жалованьемъ 40 р. въ мѣсяцъ, я за опозданіе на 1 часъ былъ оштрафованъ Ванченко на 5 р., вопреки нормальному контракту, опредѣляющему размѣръ штрафа въ количествѣ дневного жалованья, т. е. въ данномъ случаѣ въ количествѣ 1 руб.

Послѣ пререканій съ г. Ванченкомъ и режиссеромъ этой же труппы г. Оршановымъ о несправедливомъ штрафѣ, я ушелъ со сцены.

На другой день т. е. 18 августа прихожу я въ садъ г. Ванченко и прошу разсчета, на что послѣдовалъ отвѣтъ: „можете подавать на меня въ судъ, а безъ суда я не отдамъ вамъ жалованья“. Такъ какъ я лишился мѣста, и остался долженъ за квартиру, то я вынужденъ былъ обратиться къ г. полицеймейстеру, благодаря содѣйствію котораго я и получилъ слѣдуемые мнѣ 20 р., проходивъ предварительно голоднымъ почти 3 дня. Такъ приходится получать жалованье маленькимъ сценическимъ дѣятелямъ. Когда-же наконецъ будетъ положенъ предѣлъ произволу гг. антрепренеровъ? Пора-бы, хоть сколько нибудь улучшить положеніе маленькихъ тружениковъ сцены...

г. Воронежъ. Хористъ *Винниковъ.*

ПОХОРОННАЯ КАССА СЦЕНИЧЕСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Новыя лица, изъявившія желаніе, вступить въ число учредителей похоронной кассы: В. В. Васильчикова, М. М. Деревенскій, Г. С. Карскій, А. В. Козлова-Аркунина, В. П. Козловъ-Аркунинъ, А. А. Мурскій-Мульманъ, И. И. Печоринъ, Е. И. Сеславина, М. В. Смирнова-Мульманъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ЛИТЕРАТУРНО-АРТИСТИЧЕСКОЙ БОГЕМЫ.

Живя въ Парижѣ, много дней и много ночей провелъ я среди литературно-артистической богемы. Какіе таланты, какія богато одаренныя натуры тамъ были! И тогда же я рѣшилъ набросать нѣсколько очерковъ изъ жизни нашей богемы. Вѣдь и у насъ она существуетъ. Правда, не столь яркая, не столь эксцентрично-экстравагантная, но все же есть. Если у насъ bohemien-поэтъ или bohemien-артистъ не щеголяетъ при свѣтѣ дня или при свѣтѣ газовыхъ рожковъ въ балетной юбочкѣ или въ костюмѣ Коломбины, то это, право, не вслѣдствіе отсутствія творческо-игривой фантазіи, а пожалуй благодаря 38 и 39 ст. уст. о наказ., да еще благодаря климату.

Предвижу еще одно замѣчаніе: скажутъ, что я зачислилъ въ русскую богему людей, которые не только «большія тысячи», а иной разъ и милліоны пропускали сквозь пальцы. На это я отвѣчу, что отличительной чертой богемы я никогда не считалъ и не считаю продранный пиджакъ и рваные сапоги. Дѣло не въ состояніи кошелька, а въ духѣ, характерѣ и въ проявленіяхъ того и другого.

I.

С. А. Сафоновъ-Скавронскій.

Знаменитая сѣрая крылатка до самаго снѣга. Мягкая шляпа. Худой, длинный, живыя мощи. Очень интеллигентное. красивое лицо, чарующіе глаза, по которымъ нѣкогда сходили съума женщины. Голосъ — сильный, мощный, симпатичный, такъ мало гармонирующій съ худобой тѣла.

Таковъ внѣшній портретъ безвременно погибшаго Сергѣя Александровича Сафонова, талантлиго поэта, даровитаго фельетониста (Сергѣй Печоринъ), ѣдкаго памфлетиста. Петербургъ его зналъ преимущественно только, какъ литератора. Но Москва и провинція—и какъ актера. Многіе, конечно, помнятъ любовника-Скавронскаго, Чацкаго и Уріеля Акосту.

Помыкавшись по провинціи, Сафоновъ окончательно бросилъ сцену, отдавшись литературѣ. Передо мной лежитъ, написанный его рукою, списокъ тѣхъ изданій, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Ихъ—33!

Другъ редакторовъ, онъ былъ грозой издателей. Если инымъ изъ редакторовъ онъ, смѣясь, говаривалъ: «Я—ваша ходячая живая совѣсть», то издателямъ онъ добавлялъ: «А для васъ, голубчики, я—литераторская плетка». Плеткой его были—авансы. Равнаго Сафонову въ умѣніи и «дарѣ» брать авансы, я не знаю. Онъ и самъ назвалъ себя «богомъ аванса».

Помню такой эпизодъ. Сидитъ онъ мрачнѣе тучи.

— Другъ мой Ромео, — сегодня, кажется, день выдачи гонорара?

— Ты истину рекъ, arbiter elegantiarum,—отвѣтилъ я.

— Гм... дѣло — дрянь... Получать приходится не мнѣ, а съ меня. Что касается аванса, то, конечно, не дадутъ. Однако посмотримъ! Ѣдемъ! Эй, клѣтку!

Сафонову принесли клѣтку, куда онъ посадилъ пару своихъ египетскихъ голубей, ежеминутно испускавшихъ непріятные, гортанные звуки.

Контора газеты. Масса «своихъ» и много посторонней публики. При входѣ какъ разъ налетаемъ на издателя.

— Дитя мое! — обращается Сафоновъ къ нему,— я имѣю вполнѣ опредѣленное желаніе получить авансъ!

— Ни копѣйки!!

— Хорошо. Не надо...—покорно отвѣчаетъ Сафоновъ, вытаскивая изъ-подъ крылатки клѣтку съ египетскими голубями.—Дѣти, привѣтствуйте издателя!

Голуби испускаютъ пронзительный крикъ.

— Что это?!—въ испугѣ восклицаетъ издатель.

— Это? — голуби! Теперь слушайте: если черезъ пять минутъ я не получу аванса, я встану у входа

въ контору и буду обращаться къ посторонней публикѣ: «сэры и лэди! не хочетъ-ли кто изъ васъ, въ память щедрости издателя N—ской газеты купить у бѣднаго поэта и фельетониста N—ской газеты этихъ милыхъ птицъ?»

Издатель поблѣднѣлъ. Авансъ былъ выданъ, и конечно, въ тотъ же день тоже «поблѣднѣлъ». День и часть ночи шелъ шумный пиръ въ честь египетскихъ голубей. Окруженный толпою друзей и пріятелей, любившихъ, но въ то-же время и боявшихся его за его поразительное прямодушіе, за его справедливость, безпощадную рѣзкость,— Сафоновъ жегъ, какъ только могутъ жечь истинные представители богемы, свою жизнь.

Пиръ въ разгарѣ. Хлебнувши трактирной отравы
Спитъ поэтъ, изучающій нравы...

Нѣтъ, онъ не спитъ.

— Слушай, дитя мое,—говоритъ онъ блудницѣ съ раскрашенными бровями. — Уйди ты изъ этой пакости. Скажи, совсѣмъ или нѣтъ оплевали эти подлые звѣри твою душу? Стой, погоди. Дай я сыграю тебѣ русскую пѣсню, а ты спой.

Раздаются звуки тройки. Сафоновъ опять за роялемъ, откидываетъ волосы. Его глаза горятъ, онъ весь—огромный порывъ.

. . . Какая на сердцѣ кручина
Или тебя кто огорчилъ...

съ чувствомъ выводитъ пѣвичка.

И вдругъ Сафоновъ вскакиваетъ и опускается передъ ней на колѣни.

— Дѣтка, милая ты моя, ты—спасена. Въ голосѣ я слышу крикъ хорошей, чистой молодой души. Живи! Я—слышишь — я — Божіею милостью—поэтъ говорю это.

Театральный плотникъ китаецъ—Латцуза въ Харб. театрѣ.

— Послушайте... — зѣвая говоритъ дѣвица. — Я устала... пора домой... Дайте мнѣ что-нибудь за то, что я вамъ пѣла.

Сафоновъ, смертельно поблѣднѣвъ, швыряетъ ей въ лицо *послѣднюю* бумажку.

Мы выходили изъ эдема... Ночь... тьма... денегъ—ни гроша, даже на извозчика. Мы бредемъ пѣшкомъ, онъ смотритъ въ безпредѣльное небо и говоритъ мнѣ:

— Она видѣла мои чистыя слезы, слезы поэта о ея жизни... Но она все перевела на презрѣнныя деньги...

Наступало хмурое, подлое петербургское утро. Міръ грезъ и фантазій больного кошмара, больныхъ, угарныхъ ночей уступалъ мѣсто трезвенной борьбѣ за существованіе. И опять надо строчить, думать объ авансахъ...

Въ меблированныхъ комнатахъ Заремба, гдѣ долгое время жилъ покойный, онъ завелъ себѣ черепаху, привезенную съ Парижской выставки. Кажется, черепаха была его лучшимъ другомъ. Иногда, онъ угощалъ ее виномъ, и случалось, что черепаха, которая еще не успѣла втянуться въ жизнь богемы, покушалась на самоубійство. Въ состояніи «импульсивнаго умопомѣшательства», «патологическаго аффекта» маленькая тварь съ размаху бросилась съ окна на полъ.

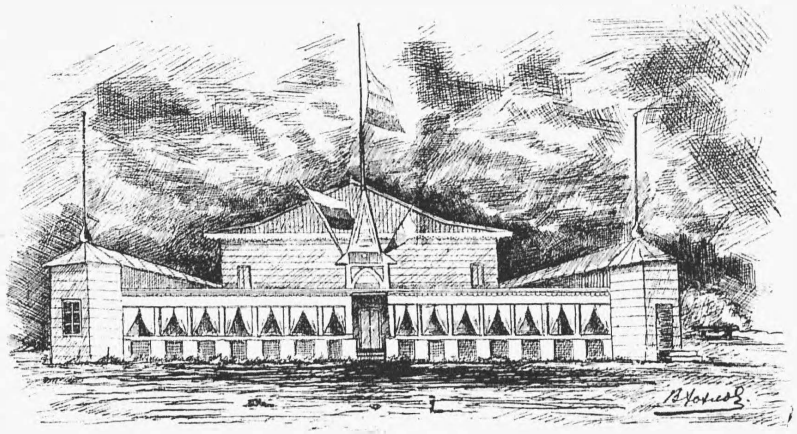
— Видишь, глупая, до чего доводитъ вино! говорилъ тогда С. А., подымая ее и держа на ладони.— Подумай, до чего ты дошла!

Съ этой черепахой былъ курьезный случай. Въ одинъ грустный для поэта «Божіею милостію» день, постучался «безжалостный» кредиторъ въ сопровожденіи элегически настроеннаго судебнаго пристава.

С. А. величественно принялъ посѣтителей:

— Прошу васъ, сказалъ онъ, указывая на стулья.— Я знаю, зачѣмъ вы явились. Приступайте къ своимъ обязанностямъ.

Кредиторъ попробовалъ было посягнуть на знаменитый столъ-верстакъ С. А.



Лѣтній театръ въ г. Харбинѣ.
Рис. В. Хохлова.

— Ни шагу далѣе, любезнѣйшій, — внушительно сказалъ С. А.—Этотъ столъ — не для *тебя*. Этотъ верстакъ — алтарь, на которомъ приноситъ поэтъ Сафоновъ жертвоприношенія богинѣ—Музѣ.

Тогда алчный взглядъ кредитора упалъ на безмятежно покоившуюся на окнѣ черепаху.

— Въ такомъ случаѣ, — обратился онъ, торжествующе, къ судебному приставу, — потрудитесь описать вотъ этого звѣря!

С. А. передернуло и глаза гнѣвно загорѣлись.

— Да? хорошо. Въ такомъ случаѣ потрудитесь занести въ протоколъ слѣдующее: эта черепаха привыкла утромъ пить шоколадъ съ бисквитами, въ двѣнадцать часовъ—ѣсть устрицы, запивая ихъ шабли или шампанскимъ, затѣмъ обѣдать, въ соотвѣтственномъ духѣ. Иначе она околѣетъ черезъ нѣсколько дней. За нея я заплатилъ 18,000 франковъ.

— Вы согласны на это? — улыбаясь углами губъ обратился приставъ къ кредитору.

— Н-нѣтъ! обрѣзалъ тотъ.

Черепаха была спасена... **Р. Антроповъ.**

ПИСЬМА ИЗЪ КІЕВА.

XXXIX.

Сезонъ открылся „Бѣшеными деньгами“ А. Н. Островскаго съ новою актрисой нашей драматической труппы—В. Н. Ильнарской въ роли Лидіи Юрьевны Чебоксаровой. Г-жа Ильнарская, не вполнѣ еще освоившаяся съ освѣщеніемъ и акустикой новой для нея театральной залы, немножко перегримировалась, немножко оробѣла, неувѣренно интонировала, и вообще два первые акта сыграла слабо. Въ третьемъ актѣ актриса успѣла овладѣть собой и своимъ исполненіемъ и два заключительныя дѣйствія прошли уже много интереснѣе. Для

Лидіи Юрьевны Чебоксаровой она во всякомъ случаѣ немножко belle femme. Наивный цинизмъ рѣчей этой московской Цирцеи, разбавленный въ значительной степени розовой водой сантиментализма и чисто школьной риторикой, уснащенной фигурами, совсѣмъ не шелъ къ простому и жизнерадостному дарованію новой актрисы. Вторымъ выходомъ В. Н. Ильнарской была роль Раневской въ „Вишневомъ саду“, такъ безвременно скончавшагося А. П. Чехова. Спекталь въ память Чехова былъ торжественнымъ. По окончаніи пьесы на сценѣ появился украшенный зеленью и разноцвѣтными лампіонами бюстъ покойнаго писателя, около котораго полукругомъ встали артисты драматической труппы съ М. М. Глѣбовой во главѣ. Г. Матковскій, въ качествѣ ея художественнаго руководителя, сказалъ прочувствованную рѣчь, а г. Лепковскій прочелъ стихотвореніе, посвященное памяти угасшаго писателя, принадлежащее перу г. Гарольда, фельетониста „Кіевской газеты“.

Lolo-Мунштейнъ, авторъ „Феи Капризъ“.
(Шаржъ).
Рис. М. Демьянова.

Роль Раневской тоже не вполнѣ удалась г-жѣ Ильнарской. Въ ея исполненіи не было замѣтно довольно характерной для акклиматизировавшейся за границей барыни, внѣшней парижской культуры, заслоняющей собой, на первый взглядъ, бѣдную суть русской черноземной помѣщицы. Чувственная, начинающая старѣться женщина, она естественно сдѣлала все, что можетъ дать изобрѣтательная косметика, чтобы маскировать надвигающуюся старость.

Г-жа Ильнарская была слишкомъ цвѣтущей, словно жизнь, спаленная въ чаду чувственныхъ наслажденій, прошла, не оставивъ слѣдовъ на ея наружности. Тѣмъ не менѣе лѣнивая грація, какая-то распущенная доброта этой женщины, для которой жизнь промелькнула сплошнымъ праздникомъ, какимъ-то феерическимъ апоѳеозомъ праздности и каприза, удались ей довольно хорошо и сцена второго акта съ Прохожимъ и разсыпаными деньгами прошла какъ нельзя лучше. Въ слѣдъ за В. Н. Ильнарской дебютировала г-жа Мальская. Она для перваго выхода выбрала „Долли“, очень посредственную пьесу Христіернсона, въ которой бойко, весело и непринужденно сыграла заглавную роль. Въ „Вишневомъ садѣ“ она играла Аню... Играла съ тѣми-же достоинствами, какъ и Долли, т. е. просто, изящно, съ неподдѣльной веселостью и одушевленіемъ... Амплуа ingênue dramatique, на которое претендуетъ г-жа Мальская, вполнѣ ей по силамъ, и въ ея лицѣ труппа нашего драматическаго театра тоже сдѣлала хорошее пріобрѣтеніе... Первой новинкой начавшагося сезона оказались „Волны“ Илларіи Райской, передѣлавшей въ театральную пьесу, напечатанную нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ журналѣ „Сѣверъ“ повѣсть А. В. Амфитеаторва—„Въ странѣ любви“. Пьеса г-жи Райской раздѣляетъ общую участь передѣлокъ, она отличается отсутствіемъ драматическаго дѣйствія и психологической мотивировки... Въ ней много говорятъ и суетятся, но иллюзіи сценическаго движенія это помогаетъ мало. Разговоры дѣйствующихъ лицъ между собой отзываются газетнымъ фельетономъ. Постановка смѣшна по претензіи на крайній натурализмъ, исполненіе посредственно. Ставилъ „Волны“ новый режиссеръ театра „Соловцовъ“—г. Савиновъ, служившій прошлый сезонъ у г. Бородая въ театрѣ об-ва грамотности и обратившій на себя вниманіе нѣсколькими удачными постановками... Онъ одинъ изъ фанатическихъ поклонниковъ московскаго Художественнаго театра и вводимыхъ имъ въ сценическое искусство новшествъ; не располагая однако ни средствами, ни дарованіемъ К. С. Станиславскаго, онъ не всегда удачно идетъ по его стопамъ, впадая порой въ довольно смѣшныя преувеличенія и крайности, къ числу которыхъ я отношу и постановку I-го дѣйствія „Волнъ“. Зрѣлище голыхъ (безъ трико), шлепающихся въ лоханъ съ водой, мужчинъ и женщинъ, въ коротенькихъ пестрыхъ купальныхъ костюмчикахъ, вполнѣ умѣстныхъ подъ знойнымъ покровомъ синяго италіанскаго неба, но не за кулисами неотапливаемаго театральнаго зданія, съ гуляющимъ между ними сквознякомъ, въ холодный сентябрьскій вечеръ, является совсѣмъ ненужной жестокостью. Да и вовсе не эстетично видѣть какъ у человѣка, рѣзвящагося ради вашего удовольствія, не попадаетъ зубъ на зубъ, а руки и ноги посинѣли отъ холода. Пьеса имѣла успѣхъ посредственный и врядъ-ли долго удержится въ репертуарѣ. Сильная половина труппы пополнилась въ свою очередь г. Болховскимъ; онъ старый знакомый Кіева, пропустившій лишь прошлый сезонъ, проведенный имъ въ труппѣ Крылова, гдѣ онъ съ честью поддерживалъ свою кіевскую репутацію. Нынче онъ вновь возвратился въ лоно. Покуда что сборы не особенно блестящи, но отчаяваться еще рано: „Вишневый садъ“ и первое представленіе „Волнъ“ собрали почти полный театръ.

Общество грамотности открыло двери своего театра „Снѣгурочкой“, поставленной съ музыкой П. И. Чайковскаго.

Поставлена и сыграна была эта очень сложная пьеса А. Н. Островскаго съ большой тщательностью. Декораціи работы г. Мягкова написаны вполнѣ художественно, а группы и ансамбль исполненія дѣлаютъ честь вкусу и стараніямъ режиссера, которымъ опять состоитъ г. Кашевѣровъ. Снѣгурочку играетъ Н. В. Дроздова. Рѣдко случается, чтобы лицо, созданное поэтической фантазіей драматурга художника, нашло столь удачное, столь счастливое воплощеніе. Молодая, безспорно, талантливая актриса, Н. В. Дроздова, вноситъ въ исполненіе этой роли столько привлекательной нѣжности, наивной, чисто ребяческой граціи, простоты и изящества, что въ представленіи зрителя сказочная „дѣвочка-снѣгурочка“ совершенно сливается съ изображающей ее актрисой.

МИХАЙЛОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Фея Капризъ“
Г. Петровскій—поэтъ. (Шаржъ).
Рис. М. Демьянова.

Г-жа Дроздова имѣла въ этой роли полный и вполнѣ заслуженный успѣхъ. Отдавая полную дань уваженія режиссерскимъ трудамъ и способностямъ г. Кашевѣрова, я рѣшительно не согласенъ съ введеніемъ въ русскую сказочную пьесу экзотическаго элемента, какимъ въ данной постановкѣ пьесы А. Н. Островскаго, является Мизгирь, торговый гость. Особенность эта, заимствованная г. Кашевѣровымъ у московскаго Художественнаго театра, совсѣмъ неудачна и состоитъ обычный trucъ руководителей этого своеобразнаго учрежденія, какъ извѣстно не стѣсняющагося въ корректированіи произведеній играемыхъ авторовъ. Другимъ блестящимъ спектаклемъ въ этомъ театрѣ было представленіе „Красной мантіи“ Бріе. Режиссерская сторона названнаго спекталя не представляетъ ничего особенно труднаго, но исполненіе было очень сильно. Въ лицѣ исполнителя главной роли пьесы, слѣдователя Музона, г. Градова, труппа г-на Бородая имѣетъ выдающагося драматическаго актера. Онъ нетолько талантливъ, располагаетъ большимъ драматическимъ темпераментомъ, но его сценическая техника прямо блестяща. Онъ даетъ образъ разработаный до мельчайшихъ подробностей и зритель, уходя изъ театра, уноситъ съ собой сильное и совершенно опредѣленное впечатлѣніе. Будемъ надѣяться, что первое впечатлѣніе не окажется обманчивымъ, и г. Градовъ оправдаетъ возлагаемыя на него ожиданія и надежды. Сборы и здѣсь, какъ говорится, заставляютъ желать многаго.

Н. Николаевъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ. Спектакли опереточной трупы Ахматова закончились большимъ скандаломъ: на кассу былъ наложенъ арестъ, артисты отказались играть и при свистѣ и крикахъ публики ей были возвращены деньги. Надо прибавить, что довольно значительная часть ея передавала свои билеты хористамъ и музыкантамъ, чтобы они получили хоть немного денегъ. Между тѣмъ дѣла, въ общемъ, шли недурно, несмотря на то, что труппа не особенно нравилась публикѣ, сдѣлано было до 320 руб. на кругъ. Не зачѣмъ было Ахматову привозить трехъ теноровъ (Дунаевъ, Зайцевъ, Добротини) и имъ только платить 1500 р. въ мѣсяцъ, каскадной 750 р., комику—500 р. и т. д. Конечно, при такомъ неумѣломъ составленіи для провинціи труппы, немудрено, если мѣсячный бюджетъ доходилъ до 12,000 р., тогда какъ у прежнихъ антрепренеровъ онъ равнялся 8000—9000 руб. Приходилось еще платить значительный процентъ (20%) г. Каширину, передавшему городской театръ Ахматову. Въ результатѣ пострадали только артисты: изъ нихъ лишь Муратова и Дмитріевъ получили жалованье до 1 августа, остальные получили только за двѣ недѣли. 15-го августа г. Ахматовъ оставилъ труппу, „чтобы „достать деньги въ Москвѣ“, и послѣдніе спектакли шли подъ фирмой „товарищества подъ управленіемъ Медвѣдева“. Г. Ахматовъ самъ не вернулся (онъ очень занятъ составленіемъ

Ленинградская Театральная БИБЛИОТЕКА имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

новой труппы для Воронежа), денегъ тоже не перевелъ и въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, актеры узнали, что никакого залога ихъ антрепренеромъ не было внесено. Хористами и музыкантами предъявлено г. полиціймейстеру претензій на 676 р., артисты рѣшили ихъ предъявить въ Театральное Общество, полиція препроводила претензіи бѣдныхъ тружениковъ сцены въ городскую управу, требуя отъ нея уплаты изъ залога Каширина (ему былъ сданъ театръ за 4000 р.), будто бы потому, что Каширинымъ театръ былъ переданъ Ахматову съ вѣдома садово-театральной коммиссіи и безъ извѣщенія о томъ администраціи. Управа рѣшила денегъ не платить, руководствуясь тѣмъ взглядомъ, что она имѣетъ дѣло только съ Каширинымъ, а дѣло администраціи требовать съ каждаго новаго антрепренера обычный залогъ, какъ, собственно, и поступлено по отношенію къ Суходольскому, которому не былъ разрѣшенъ даже анонсъ, пока онъ изъ Кіева телеграммой не переведетъ 1000 р. залога.—Пока хористы и музыканты, да и нѣкоторые артисты сидятъ и ждутъ денегъ... многіе изъ нихъ ѣдутъ къ тому же Ахматову въ Воронежъ! А намъ приходится лишній разъ пожалѣть, что городская театральная коммисія, выработавъ очень строгій договоръ для антрепренеровъ, отбила у многихъ солидныхъ антрепренеровъ охоту ѣхать въ Екатеринодаръ, а главное не ухватилась за предложеніе г. Собольщикова-Самарина, желавшаго дать намъ и драму и оперу. А лучше всего было бы опять перейти къ хозяйственной эксплуатаціи городомъ театра. Садово-театральной коммисіи, имѣющей теперь результаты прошлогодней городской антрепризы и частной этого года, слѣдуетъ серьезно призадуматься надъ вопросомъ. Напомнимъ ей еще, что три года тому назадъ публика апплодисментами привѣтствовала фразу только что избраннаго городскаго головы: „мы обратимъ особое вниманіе на улучшеніе народнаго образованія, мостовыхъ и постройку зимняго театра", а о зимнемъ театрѣ Екатеринодаръ „столица Кубанской области" только до сихъ поръ еще мечтаетъ.

Судя по первому спектаклю (сборъ больше 500 р.) малорусской труппы г. Суходольскаго, труппа, если и не блещетъ яркими дарованіями, то подобрана умѣло и будетъ имѣть успѣхъ, тѣмъ болѣе, что погода благопріятствуетъ. По приблизительному расчету г. Каширинъ, снявъ театръ у города за 4000 р., получилъ уже однихъ процентовъ со спектаклей Ахматова и Суходольскаго (за спектакли послѣдняго получено впередъ) не менѣе $4^1/_2$ тысячъ, да игралъ съ драмой самъ два мѣсяца. Какъ не назвать Екатеринодаръ „золотымъ дномъ" для антрепренеровъ. *Л. С—ѣ.*

СМОЛЕНСКЪ. Лѣтній сезонъ у г. Басманова закончился 17 августа. Сезонъ въ матеріальномъ отношеніи оказался менѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ прошлогодній. За $3^1/_2$ мѣсяца было поставлено 65 спектаклей очень разнообразнаго репертуара—отъ „Вишневаго сада" до оперетокъ Оффенбаха включительно („Женское любопытство"). Изъ новинокъ, не шедшихъ ранѣе въ Смоленскѣ, были поставлены „Привидѣнія", „Въ странѣ любви", „Марсельская красотка", „Искупленіе", „Севастополь", „Богатый человѣкъ", „Пустоцвѣтъ", „Акробаты", „Амазонка", „Забытыя слова", „Алчущіе и жаждущіе", „Нана", „Правительница Софья", „Ольгинъ день", „Колдунья", „Наслѣдный принцъ", „Падшіе". Крупные сборы дала „Измѣна" и „Вишневый садъ". Память Чехова почтили постановкой „Трехъ сестеръ" (часть сбора на стипендію имени Чехова), причемъ артистъ Николаевъ прочелъ свое стихотвореніе, посвященное безвременно угасшему писателю. Въ труппѣ сильно ощущалось отсутствіе любовника. Г. Николаеву, которому болѣе удаются роли нервно-патологическія, пришлось, въ виду непріѣзда г. Агарева, нести на себѣ весь репертуаръ. До конца сезона интересъ публики сосредоточивался на г-жѣ Писаревой и Кварталовой. Исполненіе послѣдней подкупало непосредственностью чувства и мягкостью тона. Объ остальныхъ артистахъ мнѣ уже приходилось говорить,—добавлю только, что часто приходилось выступать въ видныхъ роляхъ г. Сумарокову, имѣющему задатки, но слишкомъ еще молодому и неопытному артисту, почему онъ не всегда бывалъ на своемъ мѣстѣ.

Театръ „Эрмитажъ" лѣтомъ пустовалъ. Далъ въ немъ спектакль г. Дальскій („Отецъ"). Если мѣстами и чувствовалась, особенно во 2 и 3 актѣ, нѣкоторая приподнятость тона, то художественная отдѣлка деталей и рядъ сильныхъ прекрасно разработанныхъ сценъ вполнѣ вознаграждали зрителя, несмотря на болѣе чѣмъ неудовлетворительный составъ труппы. *П. Лидовъ.*

ХАРБИНЪ. Въ театрахъ наступилъ сезонъ бенефисовъ. Бенефисы въ нынѣшнемъ сезонѣ почти всѣ удались. Въ труппѣ г. Арнольдова самымъ удачнымъ нужно считать бенефисъ артиста В. Хохлова („Оболтусы-вѣтрогоны" и „Денщикъ подвелъ"). Несмотря на то, что спектакль этотъ слѣдовалъ вскорѣ послѣ концерта Вяльцевой и время было дождливое, сборъ превысилъ 1100 р. Были и подношенія. В. Хохловъ одинъ изъ полезнѣйшихъ и даровитыхъ артистовъ, выступаетъ чуть ли не ежедневно въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ, преимущественно комическихъ, и отношеніе публики къ его бенефису — очень справедливо. Много публики привлекли также бенефисы Ю. Ю. Славской („Въ горахъ Кавказа" и „Новые цыганск. романсы въ лицахъ") и г. Спарскаго, хорошаго резонера („Измаилъ").

Менѣе удачны были бенефисы г-жи Вариной. Объясняется это только тѣмъ, что въ эти дни въ городѣ была невылазная грязь, и не было никакой возможности пробраться къ театру.

Сборы въ театрѣ довольно хорошіе, но нѣкоторые спектакли проходятъ плохо. Публика жалуется и на режиссерскую часть.

Малороссамъ поручаются серьезныя роли, а они русскаго языка не знаютъ.

Въ „Колхидѣ" дѣла не дурны. Ставятъ опереточки и все что попадетъ подъ руку, очевидно, думая, что въ Харбинѣ и безъ опереточной труппы, а съ кафешантанными „силами" можно ставить „Прекрасную Елену", „Орфея въ аду" и пр. Изъ числа исполнителей можно отмѣтить г-жу Борисоглѣбскую и г. Славина. *И. М—ръ.*

ЧЕРКАСЫ. Лѣтній сезонъ у насъ можно считать уже законченнымъ. Драматическое товарищество г. Савинова, пріютившееся въ театрѣ Ярового, вынуждено было прекратить спектакли, не закончивъ сезонъ. Наша драматическая труппа, до послѣднихъ дней попрежнему продолжала тихо и скромно, не прибѣгая ни къ какимъ рекламамъ, свершать свою работу, придерживаясь серьезнаго репертуара. Но отсутствіе сборовъ дѣлало свое дѣло: составъ труппы постепенно сталъ уменьшаться, артисты, одинъ за другимъ выбывали и въ результатѣ—распаденіе труппы. А жаль. Товарищество г. Савинова заслуживало большаго вниманія. Такое добросовѣстное отношеніе артистовъ къ дѣлу, интеллигентный составъ, умѣлая и тщательная постановка пьесъ составляли рѣдкое явленіе на нашей сценѣ. Пользовались симпатіями той немночисленной публики, которая посѣщала театръ: г-жи Гофманъ Волкова, Ноллэнъ; гг. Панкратовъ, Мухинъ. За $2^1/_2$ мѣсяца товарищество дало 26 спектаклей, при чемъ поставлены были слѣдующія пьесы: „Дядя Ваня" (2), „Михаилъ Крамеръ" (2), „Свои люди сочтемся" „Докторъ Штокманъ" (2) „Вишневый садъ", „Три сестры", „Мѣщане", „Соломенная шляпка", „Гибель надежды",(2) „Вольная пташка" (2), „Искупленіе", „Фея капризъ" (2), „Медвѣдь", „Предложеніе", „Цѣна жизни", „Потонувшій колоколъ" (2), „Сильные и слабые" (2), „Роковой дебютъ". „Больные люди", „№ 13", „Злая яма". *А. Осиповъ.*

Репертуаръ СПб. Императорскихъ театровъ

съ 20-го по 27-е сентября 1904 года.

Александрійскій театръ. *20-го сентября:* „Старый закалъ", *21-го:* „Горячее сердце", *22-го:* „Высшая школа", *23-го:* „Горячее сердце", *24-го:* „Лордъ Квексъ", *26-го:* „Виндзорскія проказницы".

Михайловскій театръ. *21-го сентября:* „Фея капризъ", „Король и поэтъ", *23-го:* „Фея капризъ", „Король и поэтъ", *26-го:* „Не въ свои сани не садись".

Маріинскій театръ. *20-го сентября:* „Волшебный стрѣлокъ", *21-го:* „Евгеній Онѣгинъ", *22-го:* „Спящая красавица", *23-го:* „Іоаннъ Лейденскій", *24-го:* „Пиковая дама", *26-го* „Ручей", балетъ.

Редакторъ А. Р. Кугель. Издательница З. В. Тимоѳеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

12 ЧЕРНЫШЕВЪ ПЕР. 12
Телеф. 3548.
ЖЕНСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА
Д-ра КОРАБЕВИЧА.
Постоянн. кров., акушер., женск. (венер.) и дѣтск. бол. Массажъ свѣто- и электролѣч. Ежедн. кромѣ воскресныхъ дней 11—12 ч. и 6—7 ч. веч.

СТИХОТВОРЕНІЯ
З. БУХАРОВОЙ.
Ц. 75 коп. безъ пересылки.
Выписывать можно изъ конторы журнала „Театръ и Искусство".

Японскій шпіонъ
водев. въ 1 д. соч. Б. Камнева. Ц. 1 р.
Вып. можно изъ конторы журнала „Театръ и Искусство".

„БАБЪ",
пьеса И. Гриневской, ц. 2 руб.

Русскій ИСТОРИЧЕСКІЙ Театръ

Дирекція А. А. НАВРОЦКАГО (Н. А. Вроцкаго).

Петерб. стор., театръ „НЕМЕТТИ“ Больш. Зеленина, уголъ Геслеровскаго.

❀ ❀ ОТКРЫТІЕ СЕЗОНА. ❀ ❀

Въ Воскресенье, 19-го Сентября: новая пьеса „Осада Ростова“, историческая драма въ 5 д. 7 карт. соч. А. А. Навроцкаго. Дѣйствіе происходитъ въ Ростовѣ и подъ Ростовомъ въ концѣ 13-го вѣка.—Въ Понедѣльникъ, 20-го: „Осада Ростова“.—Во Вторникъ, 21-го: „Осада Ростова“.—Въ Среду 22-го: „Осада Ростова“.—Въ Четвергъ, 23-го: новая пьеса „Дарья Осокина“.—Въ Пятницу, 24-го: „Осада Ростова“.—Въ Субботу, 25-го: „Дарья Осокина“.

Начало въ 8 ч. вечера.

Предварит. продажа билетовъ Невскій, 5. Цвѣточный магазинъ Герстнеръ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПАРИКМАХЕРЪ

Ѳ. А. КРЕНЦИНЪ.

РИГА, Господская ул. № 31,

предлагаетъ парики изъ волосъ и шерсти, а также всѣ прочія волосяныя и шерстяныя издѣлія

6248 **на 30% дешевле** 3—3

чѣмъ назначено въ прейскурантѣ, кромѣ издѣлій перваго сорта, на которыя скидка по соглашенію.

Прейскурантъ высылается безплатно.

Илья Кондр. Ратмировъ

комикъ и ком.-резонеръ, свободенъ зиму. Адр. Псковъ, театръ Драм. Общ. 6252 2—2

Поступила въ продажу у С. Ѳ. Разсохина:

„Капитанская дочка“.

Историч. пьеса по Пушкину въ 12-ти карт. съ пѣніемъ перед. Ковзанъ.

Безплатно высыл. подробности. Великія-Луки, Пск. губ., Набережн., Ковзанъ. 6249 3—3

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ

„Волченокъ“ (ближ. новинка театра Лит.-Худ. Общ.) В. Авсѣенко.

„Меблированная пыль“ (послѣдняя новинка театра Литер.-Худож. Общ.) г. Никольскаго.

„Женская волюшка“ новая пьеса В. В. Протопопова (ближайш. новинка театра Литер.-Худож. Общ.).

„Обвиняемая“ В. Протопопова (поставленная 8 іюля въ Москвѣ въ „Акваріумѣ“).

БЕЗПЛАТНО

высылаетъ новые каталоги ТЕАТРАЛЬНЫХЪ ПЬЕСЪ и роскошныхъ художественныхъ изданій

контора изданій „РЕПЕРТУАРЪ“

СПБ. Невскій, д. 53.

Цѣны общедоступныя.

Громадный складъ театральныхъ пьесъ.

2—2

„ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ“.

Зданіе „Пассажъ“ Итальянская, 19. ❀ Дирекція В. Ф. КОММИСАРЖЕВСКОЙ.

19 Сентября „Уріель Акоста“.—20-го: „Кукольный домъ“ (Нора).—21-го: „Богатый человѣкъ“.—22-го: „Кукольный домъ“ (Нора).—23-го: „Богатый человѣкъ“.—24-го: „Кукольный домъ“ (Нора).—25-го: „Уріель Акоста“.—26-го „Богатый человѣкъ“.

Начало въ 7½ час. вечера.

Театръ-концертъ „АПОЛЛО“.

Фонтанка, 13. ❀ Телефонъ № 1968.

Дирекція П. Я. ТЮРИНА.

ЕЖЕДНЕВНО.

Большой артистическій концертъ-попурри и послѣднія атракціонныя новинки.

Дебютъ лучшихъ артистокъ и артистовъ первоклассныхъ заграничныхъ театровъ.

Подробности въ афишахъ.

Режиссеръ А. А. Вядро. Администраторъ М. П. Тамамшевъ.

Театры СПБ. Городского Попеч. о народной трезвости.

Театръ Народнаго дома ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Въ Воскресенье, 19-го Сент.: **„РЕВИЗОРЪ“**.—20-го, въ 1-й разъ по возобновлен.: **„1812 годъ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“**.—21-го: **„КАШИРСКАЯ СТАРИНА“**.—22-го: **„1812 годъ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“**.—23-го: **„КНЯЗЬ ОЛЕГЪ ВѢЩІЙ“**.—24-го: **„1812 годъ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“**.

Въ день 50-тилѣтія со дня перваго представленія комедіи Островскаго **„БѢДНАЯ НЕВѢСТА“**.—1854—29 Сентября—1904. **Въ Народномъ домѣ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.** въ Среду, 29 Сент. будетъ поставлена эта пьеса.

ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ (бывш. Стеклян. зав.).

Въ Воскресенье, 19-го Сент. **„ДИТЯ“**.—23-го: **„МАІОРША“**.

ПЕТРОВСКІЙ ПАРКЪ. Большія народныя гулянья по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Зав. театр. частью А. Я. Алексѣевъ.

Разрѣшено СПБ. Столичнымъ Врачебнымъ Управленіемъ на общихъ основаніяхъ о торговлѣ, какъ не содержащее въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ ГОЛЛЕНДЕРЪ

самыя застарѣлыя мозоли быстро и безслѣдно излѣчиваются при употребленіи мозольной жидкости Голлендеръ, безъ малѣйшей боли. Цѣна флакона 35 коп., 2 флакона высылаются почтою за 1 руб. изъ Лабораторіи І. ГОЛЛЕНДЕРЪ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая ул., 13.

Продажа во всѣхъ Аптекахъ и Аптекарскихъ магазинахъ Имперіи.

Бр. Лейфертъ

СПБ. Караванная, 18.

предлагаютъ по возможно дешевой цѣнѣ отличнаго качества

ТРИКО

нитяное № 218—отъ 1 р. 85 к. до 2 р. 10 к.

полушолковое № 99—отъ 6 р. 15 к. до 7 р. 20 к.

шолковое № 104—отъ 10 р. 15 к. до 12 р. 25 к.

шолковое № 123—отъ 16 р. 80 к. до 19 р. 95 к.

Цѣны зависятъ отъ размѣра.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Сентября 1904 г. Типографія Спб. Т-ва „Трудъ“. Фонтанка, 86.